

Тринадцать

Автор:

Стив Кавана

Тринадцать

Стив Кавана

Ток. Национальный бестселлер. Британия

МИРОВОЙ БЕСТСЕЛЛЕР.

ЛАУРЕАТ ПРЕМИИ «КНИГА ГОДА» THEAKSTON OLD PECULIER.

ОТ АВТОРА – ОБЛАДАТЕЛЯ ПРЕМИИ GOLD DAGGER.

Этот серийный убийца сидит не на скамье подсудимых. А в кресле присяжного...

Он ждал этого момента всю свою жизнь. Его тринадцатое – и самое главное убийство. Сейчас на скамью подсудимых сядет человек, который должен быть признан виновным. А для этого сам он станет одним из присяжных. Тринадцатое дело для тринадцатого присяжного...

Джошуа Кейн уникален во всем. Он невероятно умен, изворотлив и находчив. Он не оставляет следов – если только ложные. Он не способен чувствовать боль. И – самое главное – у него есть цель. Великая миссия донести до людей правду об этой жизни. И если для этого кто-то должен умереть – что с того? Джошуа Кейн убивал много раз – и своими руками, и чужими. Второй вариант доставляет ему гораздо больше удовольствия. Пусть убивает закон – так вернее. А как повернуть такое, Кейн знает, как никто... И да свершится правосудие!

«Потрясающая цеплялка, очень симпатичный главный герой и больше твистов, чем у торнадо... Подлинный пейдж-тернер». – The Guardian

«Настолько классные книги появляются очень редко». – Майкл Коннелли

«Выдающаяся вещь». – Ли Чайлд

«Блестящая, запутанная, гениально построенная книжная головоломка. Стив Кавана воплощает отличную идею с грандиозным размахом». – Рут Уэйр

«Роман полностью заслуживает того, чтобы называться БОЛЬШИМ. Если в этом году вы прочитали еще один классный триллер, то это значит, что вы попросту перечитали этот». – Марк Биллингхэм

Стив Кавана

Тринадцать

Посвящается Ною

(Вообще-то изначально это цитата из Бодлера, но с тех пор эту мысль высказывали все кому не лень. Спасибо Крису Маккуорри, что разрешил мне стырить его собственную версию.)

Величайшая подстава, которую когда-либо провернул Дьявол, – это когда убедил весь мир, что его не существует.

Из сценария кинофильма «Подозрительные лица» Кристофера Маккуорри

Steve Cavanagh

THIRTEEN

© Артём Лисочкин, перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Пролог

Промозглым декабрьским днем, в десять минут шестого, Джошуа Кейн валялся на своем картонном лежбище возле здания уголовного суда на Манхэттене, подумывая убить человека. И не просто какого-то там человека. Он думал о кое-ком конкретном. Временами, где-нибудь в метро или наблюдая за прохожими, Кейн и вправду приходил к мысли убить какого-нибудь безымянного, случайного ньюйоркца, вдруг оказавшегося в поле его зрения. Это могла быть блондиночка-секретарша, читающая дамский роман в поезде линии «К», или какой-нибудь банкир с Уолл-стрит, лишь отмахивающийся зонтиком на его мольбы подкинуть ему мелочишки, или даже ребенок, за руку с мамой проходящий по пешеходному переходу.

Каково это было бы убить их? Какие это родило бы чувства? Что они произнесли бы при своем последнем издыхании? Изменятся ли их глаза в тот момент, когда их души покинут этот мир? Когда Кейн представлял себе подобные картины, все его тело охватывал приятный теплый трепет.

Он глянул на часы.

Одиннадцать минут шестого.

Резкие, высокие тени затопили улицу, когда на город опустились сумерки. Глянув на небо, Кейн лишь приветствовал этот тусклый, размытый свет – как будто кто-то накрыл лампу вуалью. Полумрак полностью соответствовал его намерениям. Темнеющее небо вернуло его мысли к убийству.

Последние шесть недель, лежа на улице, он почти ни о чем другом и не думал. Часами подряд молча прикидывал, заслуживает ли этот человек смерти. Помимо того, жить ему или умереть, все остальное уже было тщательно спланировано.

Кейн почти не рисковал. Главное в таких случаях – действовать с умом. Если хочешь остаться незамеченным, надо соблюдать осторожность. Он понял это уже давным-давно. Оставлять этого человека в живых было рискованно. А вдруг когда-нибудь в будущем их пути опять пересекутся? Узнает ли он Кейна? Сумеет ли сделать из этого какие-то выводы?

Ну а если Кейн убьет его? Такая задача всегда сопряжена со множеством рискованных моментов.

Но это все риски, которые были Кейну хорошо знакомы, – риски, которых он до сих пор много раз успешно избегал.

К тротуару подкатил почтовый фургон, который остановился прямо напротив Кейна. Водитель, коренастый мужчина лет сорока с небольшим, одетый в форму почтовой службы, выскочил из-за руля. Пунктуальный малый – как по часам. Проходя мимо и направляясь к служебному входу здания суда, на Кейна, лежащего на улице, он не обратил ни малейшего внимания. Даже пары монеток несчастному бездомному не подбросил. Как и все последние шесть недель. Такого вообще никогда не случалось. И опять, когда почтальон все в то же обычное время проходил прямо мимо него, Кейн задумался, стоит ли его убивать.

На принятие решения у него было двенадцать минут.

Почтальона звали Элтон – женат, двое детей-подростков. Раз в неделю Элтон заглядывал полакомиться в один дорогой гастроном с закусочной, торгующий эксклюзивными продуктами собственного производства, – при этом его жена думала, что он просто вышел на пробежку; читал романы в мягкой обложке, которые покупал по доллару за штуку в маленьком магазинчике в Трайбеке^[1] – Трайбека (Tribeca, сокр. от англ. Triangle Below Canal – «Треугольник южнее Кэнэл-стрит) – престижный район нью-йоркского Манхэттена. (Прим. пер.)], а выносить мусор по четвергам выходил в меховых тапочках. Каково это будет смотреть, как он умирает?

Джошуа Кейну нравилось наблюдать, как другие люди переживают различные эмоции. Чувства беспомощности, горя и страха опьяняли его, дарили радость почище любых наркотиков на планете.

Джошуа Кейн был не таким, как все остальные. Во всем мире больше не было таких, как он.

Кейн посмотрел на часы. Двадцать минут шестого.

Пора приступать.

Он почесал свою почти отросшую бороду, первоначальный цвет которой уже наверняка достаточно изменили грязь и пот, медленно поднялся с картонки и потянулся. При этом движением ноздрей Кейна коснулся его собственный запах. Все-таки шесть недель не менял ни трусов, ни носков, ни разу не был в душе... От этого запаха его даже замутило.

Надо было как-то отвлечься от собственной грязи. У его ног в измызанной перевернутой бейсболке лежала пара долларов мелочью.

Приятно было сознавать, что задуманное подходит к своему логическому завершению. Что видишь сейчас перед собой именно ту картину, какую ты себе и представлял. И все же Кейн подумал, что было бы интересно ввести в игру некий элемент случайности. Элтон так никогда и не узнает, что его судьбу решил в этот момент не он, а брошенная монетка. Выбрав четвертак, Кейн подбросил его в воздух, поймал и прилепнул плашмя на тыльную сторону ладони. Пока еще монета крутилась в холодном облачке пара от его дыхания, он уже решил: если орел, то Элтон умрет.

Кейн посмотрел на четвертак, новенький и блестящий на фоне въевшейся в кожу грязи, и улыбнулся.

Футах в десяти от припаркованного у здания суда почтового фургона стоял киоск с хот-догами. Продавец обслуживал какого-то высокого мужика без пальто. Тот, видать, только что вышел под залог и праздновал это событие более-менее приличной жратвой. Взяв у мужика два доллара, продавец показал ему на вывеску под прилавком. Сбоку от изображений всяких жареных колбасок пристроилось объявление адвоката с указанным под ним номером телефона.

ТЕБЯ АРЕСТОВАЛИ?

ОБВИНИЛИ В ПРЕСТУПЛЕНИИ?

ПОЗВОНИ ЭДДИ ФЛИННУ!

Впившись зубами в хот-дог, высокий мужчина отхватил от него порядочный кусок, кивнул и отошел от киоска как раз в тот момент, когда из здания суда вышел Элтон с тремя большими мешковинными сумками в руках.

Три мешка. Вот и подтверждение.

Сегодня – тот самый день.

Обычно Элтон появлялся на улице с двумя почтовыми сумками, а то даже и с одной. Но каждые шесть недель он выходил из здания суда сразу с тремя мешками. Этот дополнительный почтовый мешок и был тем, чего так ждал Кейн.

Отперев задние двери почтового фургона, Элтон забросил первую сумку в грузовой отсек. Кейн медленно приблизился, просительно вытянув правую руку.

За первой сумкой последовала вторая.

Когда Элтон подхватил третью, Кейн бросился к нему.

– Эй, друг, лишней мелочи не найдется?

– Нет, – коротко буркнул Элтон, закидывая в грузовой отсек последний мешок. Закрыв правую дверцу на задке фургона и взялся уже за левую, готовясь от души бабахнуть ею – ну конечно, фургон-то казенный, так чего миндальничать? Тут было важно правильно подгадать момент. Кейн быстро протянул руку, умоляя положить ему на ладонь пару баксов, и рука его оказалась точно на пути дверцы, которая с размаху прихлопнула ее.

Расчет оказался верным. Кейн все точно продумал: коротко скрипнули дверные петли, и острые края дверей ножницами врезались в плоть, сокрушая конечность. Вцепившись пальцами в пострадавшую руку, Кейн вскрикнул и упал на колени, внимательно наблюдая за Элтоном, который лишь схватился за голову. Глаза почтальона расширились, а рот потрясенно приоткрылся. Учитывая быстроту, с которой он захлопнул дверь, и солидный ее вес, не было никаких сомнений в том, что Кейн заработал перелом руки. Причем серьезный. Наверняка осколочный. Травму, которую медики относят к тяжелым.

Но Кейн был особенным. Это то, что всегда говорила ему его мама. Он опять вскрикнул, понимая, что важно как можно убедительней разыграть эту сцену – изобразить, будто он просто погибает от боли.

– Господи, да смотри же, куда руки суешь! Я ничего и не заметил... Ты... Прости, – запинаясь, вымолвил Элтон.

Присев на корточки рядом с Кейном, он еще раз извинился.

– По-моему, перелом, – простонал Кейн, прекрасно зная, что это не так. Десять лет назад бо?льшая часть костей руки была заменена стальными пластинами, спицами и винтами. То небольшое, что от нее осталось, с тех пор было основательно укреплено.

– Черт, черт, черт... – бормотал Элтон, оглядывая улицу и явно не зная, как поступить. – Я тут ни при чем. Хотя могу вызвать «скорую»...

– Нет! Они не станут меня лечить! Просто отвезут в неотложку, оставят валяться на каталке на всю ночь, а потом вышибут на улицу. У меня нет страховки. Тут есть один медицинский центр – самое большее в десяти кварталах отсюда. Они лечат бездомных. Отвези меня лучше туда, – взмолился Кейн.

– Я не могу тебя отвезти, – возразил Элтон.

– Это почему еще? – спросил Кейн.

– Мне запрещено брать пассажиров в этот фургон. Если кто-нибудь увидит тебя рядом со мной в кабине, я могу потерять работу.

Кейн с облегчением вздохнул, поняв, что Элтон намерен пунктуально придерживаться правил, предписанных работникам почтовой службы. Он как раз на это и рассчитывал.

- Тогда посади меня назад. Так меня никто не увидит, - предложил Кейн.

Элтон устался на заднюю часть фургона, левая дверца которой по-прежнему оставалась приоткрытой.

- Ну, я не знаю...

- Я не собираюсь ничего красть - я даже рукой не могу пошевелить, черт возьми! - воскликнул Кейн, со стонами баюкая пострадавшую руку.

После некоторых колебаний Элтон наконец произнес:

- Ладно. Но к почтовым мешкам даже не суйся. Договорились?

- Договорились, - отозвался Кейн.

Он застонал, когда Элтон поднял его с тротуара, и жалобно вскрикнул, когда ему показалось, что пальцы почтальона оказались слишком уж близко к его поврежденной руке, но вскоре наконец уселся на стальной пол в задней части фургона, и когда тот двинулся на восток, принялся издавать все нужные звуки вдобавок к поскрипыванию подвески. Грузовой отсек был отделен от кабины перегородкой, так что Элтон не мог его видеть и, скорее всего, ничего не слышал, но Кейн все равно решил, что на всякий случай стоит немного понюхать. Единственным источником света был здесь люк из матового стекла размером два на два фута в крыше.

Едва они успели выехать за пределы квартала, в котором располагалось здание суда, как Кейн достал из кармана пальто канцелярский резак с выдвигаемым скошенным лезвием и перерезал завязки на всех трех почтовых мешках, которые Элтон вынес из канцелярии суда.

С первой сумкой - облом. Самые обычные почтовые конверты разного размера. Со второй тоже.

А вот с третьей – везуха.

Конверты в этой сумке оказались совершенно одинаковыми. На каждом понижу тянулась красная полоска с надписью белыми буквами: «ОТКРОЙТЕ ДАННОЕ ОТПРАВЛЕНИЕ СРАЗУ ПО ПОЛУЧЕНИИ. ВНУТРИ – ВАЖНАЯ СУДЕБНАЯ ПОВЕСТКА».

Кейн не стал ничего открывать. Вместо этого лишь аккуратно разложил конверты из третьего мешка на полу. Покончив с этим делом, выбрал те, что были адресованы женщинам, и побросал их обратно в сумку. Через полминуты перед ним осталось где-то шестьдесят, а то и все семьдесят конвертов. Эти он заснял цифровой камерой, которую тут же спрятал обратно за пазуху – сразу по пять штук за раз. Позже можно будет увеличить изображения и сосредоточиться на именах и адресах, написанных на каждом из них.

Покончив с этим делом, Кейн вернул все письма на место и прикрепил к мешкам новые бирки в прозрачных пластиковых кармашках, которыми запасся заранее. Бирки оказалось не так уж трудно достать, и все они были от того же производителя, что и в канцелярии суда.

Имея в запасе время, Кейн вытянул ноги на полу и стал рассматривать фотографии конвертов на экране своей камеры.

Где-то среди них он найдет нужного человека. Он знал это. Просто нутром чуял. Сердце его трепетало от волнения – словно электрический ток прострелил от его ног прямо к груди.

После постоянных остановок и троганий с места на забитом транспорте Манхэттене Кейн не сразу понял, что фургон наконец действительно остановился у тротуара, и спрятал фотоаппарат. Задние двери открылись. Кейн опять схватился за якобы травмированное предплечье. Элтон перегнулся над задним порогом грузового отсека, протягивая ладонь. Продолжая опасливо держать одну руку на весу, Кейн вытянул другую и ухватился за Элтона. Потом встал. Это вышло бы так просто, так быстро... Все, что ему оставалось сделать, это упереться ногами и дернуть. Еще небольшое усилие, и почтальон оказался бы в фургоне. Канцелярский нож одним плавным движением взрезал бы заднюю часть шеи Элтона, а затем скользнул по линии подбородка до сонной артерии...

Элтон помог Кейну выбраться из фургона – с такими предосторожностями, будто тот был сделан из стекла – и проводил его ко входу в медицинский центр.

Монета выпала решкой – почтальон остался невредим.

Поблагодарив своего спасителя, Кейн посмотрел ему вслед. А через несколько минут вышел из вестибюля медицинского центра на улицу – проверить, не вернулся ли фургон, и убедиться, что ему ничто не угрожает. Фургона нигде не было видно.

* * *

Гораздо позже тем же вечером Элтон, облаченный по обыкновению в спортивный костюм для бега, вышел из своего любимого гастронома с недоеденным сэндвичем «Рубен»[2 - Сэндвич «Рубен» – американский гриль-сэндвич из солонины, швейцарского сыра, квашеной капусты и майонеза с кетчупом на ржаном хлебе. (Прим. пер.)] в одной руке и коричневым бумажным пакетом с продуктами в другой. Высокий, чисто выбритый, хорошо одетый мужчина внезапно встал прямо перед ним, преградив ему путь и заставив остановиться в темноте под разбитым уличным фонарем.

Джошуа Кейн наслаждался прохладным вечером, ощущением хорошего костюма и чистой шеи.

– Я еще раз подбросил монетку, – объявил он.

После чего выстрелил Элтону прямо в лицо, быстро нырнул в темный переулок и исчез. Такая быстрая и легкая казнь не доставила Кейну никакого удовольствия. В идеале он хотел бы провести с Элтоном несколько дней, но у него не было на это свободного времени.

Очень много чего предстояло сделать.

Шесть недель спустя. Понедельник

Глава 1

Позади меня в зале суда – ни единого репортера. Ни зевак на скамьях для публики, ни сходящих с ума от волнения родственников. Только я, моя клиентка, прокурор, судья, стенографистка и секретарь. Да, и еще офицер службы безопасности суда, сидящий в углу и втихаря смотрящий игру «Янкиз»[З - «Нью-Йорк Янкиз» (англ. New York Yankees) – профессиональный клуб из Главной бейсбольной лиги, базирующийся в Бронксе, одном из пяти районов Нью-Йорка. (Прим. пер.)] на своем смартфоне.

Дело было на Сентер-стрит, 100, в здании уголовного суда Манхэттена, в небольшом зальчике на восьмом этаже.

А больше никого там не было, потому что всем было глубоко насрать. Обвинитель вообще-то не слишком интересовался этим делом, а судья и вовсе потерял к нему всякий интерес, едва только прочитав перечень вменяемых моей подзащитной проступков – хранение наркотиков и принадлежностей для их употребления. Обвинителем был пожизненный сотрудник прокуратуры по имени Норман Фолкс. До пенсии Норму оставалось всего шесть месяцев, и это было хорошо заметно. Верхняя пуговица его рубашки была расстегнута, костюм выглядел так, как будто он купил его еще во времена президентства Рейгана, а единственной чистой деталью его внешности казалась разве что двухдневная щетина на щеках.

Лицо у почтенного Кливленда Паркса, председательствующего судьи, походило на сдувшийся воздушный шарик. Он нависал над судейской трибуной, подперев голову рукой.

– Ну и сколько еще прикажете ждать, мистер Фолкс? – саркастическим тоном поинтересовался он.

Глянув на часы, Норм пожал плечами.

– Прошу прощения, ваша честь, он должен быть здесь с минуты на минуту.

Женщина-секретарь немного пошуршала разложенными перед ней бумагами, и в зале вновь воцарилась тишина.

– Позвольте мне сказать, причем для протокола, мистер Фолкс: вы очень опытный обвинитель, и, я полагаю, давно уже в курсе, что ничто так не раздражает меня, как опоздания, – недовольно произнес судья.

Норм кивнул. Еще раз извинился и опять потянул за воротничок своей рубашки, когда брылястые щеки судьи Паркса начали менять цвет. Чем дольше тот сидел за своей трибуной, тем сильнее краснела его физиономия. Вот в принципе и все, что выдавало скопившиеся в нем эмоции. Паркс никогда не повышал голос и не грозил обвиняющим перстом – просто сидел, кипя от злости. Его ненависть к опозданиям была хорошо известна.

Моя клиентка, пятидесятипятилетняя бывшая проститутка по имени Джин Мари (первое – это имя, а второе фамилия, если что), наклонилась ко мне и прошептала:

– И что будет, если этот коп так и не появится, Эдди?

– Появится, – заверил я.

Я знал, что полицейский в итоге все-таки придет. Но при этом и не сомневался, что он опоздает. Я сам и позаботился об этом.

Это могло выгореть только с Нормом в качестве обвинителя. Я подал ходатайство о снятии обвинений еще два дня назад, незадолго до пяти, когда сотрудник отдела регистрации уже ушел домой. Годы практики дали мне хорошее представление о том, с какой скоростью здешняя контора обрабатывает бумаги и назначает слушания. Учитывая, что очередь у них там будь здоров какая, мы, скорей всего, не смогли бы провести слушание до сегодняшнего дня, и судебной канцелярии наверняка пришлось пометаться в поисках свободного судебного зала. Ходатайства обычно подаются во второй половине дня, около двух часов, но и обвинение, и защита обычно узнают номер зала разве что за пару часов до судебного заседания. Впрочем, это неважно. Норму еще с утра предстояло принять участие в нескольких слушаниях по предъявлению обвинений, и мне тоже. Обычно, в каком бы зале суда это ни происходило, мы просили секретаря заглянуть в компьютер и сообщить нам, в

каком месте будут рассматривать наши следующие ходатайства, намеченные на день. Как только секретарь называл номер зала, любой другой обвинитель тут же доставал мобильник и звонил своим свидетелям, сообщая им, куда подойти. Но только не Норм. У него никогда не было мобильного. Не верил он в них. Был убежден, что они излучают вредные для здоровья радиоволны. Я позаботился о том, чтобы разыскать Норму с самого утра, в суде по предъявлению обвинений, и сообщил ему о месте проведения этого дневного слушания. Норм должен был явно положиться на то, что его свидетель поступит так, как и должен был поступить, даже если бы я и не назвал ему номер зала, – подойти к доске объявлений и посмотреть, где именно будет проводиться разбирательство по этому делу.

Находится она в кабинете под номером 1000 – в секретариате. Внутри этого офиса, наряду с толпами людей, ожидающих своей очереди уплатить штраф, имеется белая доска с написанным маркером списком судебных процессов и ходатайств, которые будут рассмотрены в этот день. Предназначена она для того, чтобы свидетели, копы, прокуроры, студенты юридических факультетов, туристы и адвокаты знали, где именно в здании в любой момент времени проходит то или иное судебное разбирательство. Примерно за час до рассмотрения своего ходатайства я поднялся в комнату под номером 1000, убедился, что стою спиной к секретарю, нашел свое дело на доске, стер номер зала суда и намалевал маркером новый. Маленькая хитрость. Не то что те долгие, рискованные операции, которые я проводил в свою бытность мошенником и разводилой на протяжении более чем десяти лет. Но даже теперь, став адвокатом, иногда позволяю себе возвращаться к своим старым привычкам.

С учетом того, как долго в этом здании приходится ждать лифта, я решил, что этот мой отвлекающий маневр задержит свидетеля Норму как минимум минут на десять или около того.

Детектив Майк Грейнджер ворвался в зал суда с двадцатиминутным опозданием. Поначалу я даже не обернулся, когда услышал, как позади меня открылись двери. Просто слушал, как Грейнджер перебирает ногами по плиточному полу почти с такой же быстротой, с какой пальцы судьи Паркса постукивают по столу. Но потом вдруг услышал еще и нормальные размеренные шаги. Это заставило меня обернуться.

Вслед за Грейнджером в зал вошел пожилой мужчина в дорогом костюме, который сел в задних рядах. Я сразу узнал его – по копне светлых волос, ряду ослепительно-белых зубов и бледному, как у офисного работника, лицу. Руди Карп был из тех адвокатов, которые месяцами вели дела, освещаемые в вечерних новостях, появлялись в судебных телепрограммах, светились на обложках журналов и обладали всеми навыками работы в зале суда, чтобы заслужить подобное внимание. Официальный представитель «звезд».

Очно мы с ним никогда еще не пересекались, охотясь в разных социальных кругах. Руди дважды в год обедал в Белом доме. Мы же с судьей Гарри Фордом раз в месяц пили дешевый скотч. Одно время я позволял бухлу взять надо мной верх. Но только не сейчас. Всего раз в месяц. Не больше двух стаканчиков. Теперь у меня все под контролем.

Руди махнул куда-то в мою сторону. Отвернувшись от него, я увидел, что судья сверлит взглядом детектива Грейнджера. Когда я повернулся обратно, Руди вновь помахал рукой. Только тогда я понял, что машет он именно мне. Я машинально помахал в ответ, отвернулся и попытался сориентироваться в ситуации, тщетно пытаюсь сообразить, какого черта такая фигура делает на моем слушании.

– Хорошо, что вы наконец изволили присоединиться к нам, детектив, – едко произнес судья Паркс.

Майк Грейнджер выглядел как типичный ветеран нью-йоркской полиции. Вразвалочку выйдя вперед, он вынул из-под пиджака наплечную кобуру с пистолетом и прилепил к ней выплюнутую изо рта жвачку, прежде чем засунуть все это хозяйство под стол обвинения. В зале суда – никакого оружия. Сотрудники правоохранительных органов были обязаны предъявлять свои стволы местной службе безопасности. Старым опытным копам судебные приставы обычно давали поблажку, но даже самые испытанные ветераны знали, что на свидетельской трибуне нельзя находиться при оружии.

Грейнджер попытался было объяснить, почему опоздал. Судья Паркс сразу оборвал его, покачав головой, – мол, побереги силы для выступления за свидетельской трибуной.

Я услышал, как Джин Мари тихонько вздохнула. Сквозь ее обесцвеченные патлы просвечивали черные корни, пальцы дрожали, когда она нервно поднесла их ко рту.

- Не дергайся. Я уже говорил, что в тюрьму ты не вернешься, - сказал я.

Для суда она надела новый черный брючный костюм. Смотрелся он на ней неплохо и явно придавал ей чуть больше уверенности в себе.

Пока я пытался успокоить Джин, Норм наконец перешел к делу, вызвав на свидетельскую трибуну Грейнджера. После того как детектива привели к присяге, Норм стал выяснять у него обстоятельства ареста Джин.

Выходило типа того: в тот вечер он проезжал через перекресток Тридцать седьмой улицы и Лексингтон-авеню и увидел Джин, стоящую возле массажного салона с коричневым бумажным пакетом в руке. Грейнджер знал, что в свое время у нее была целая куча приводов за проституцию, так что остановил машину и подошел к ней. Представился, показал свой значок. И в этот момент, по его словам, увидел «принадлежность для употребления наркотиков», торчащую из пакета Джин.

- И что это была за принадлежность? - уточнил Норм.

- Соломинка. Такие обычно используются наркоманами для вдыхания наркотиков через нос. Я четко видел такую соломинку, которая торчала из верхней части пакета у нее в руках, - ответил Грейнджер.

Судья Паркс не удивился, но тем не менее закатил глаза. Хотите верьте, хотите нет, но за последние шесть месяцев полиция Нью-Йорка арестовала с полдюжины молодых афроамериканцев за хранение принадлежностей для употребления наркотиков, поскольку те держали в руках стаканы с газировкой, из крышек которых торчали пластиковые соломинки.

- И как вы поступили потом? - спросил Норм.

- Для меня видеть при ком-то принадлежности для употребления наркотиков - уже основание для задержания. У миз[4 - М и з - госпожа...; нейтральное

обращение к женщине в англоязычных странах. Ставится перед фамилией женщины – как замужней, так и незамужней. (Прим. пер.)] Мари имеются судимости за преступления, связанные с наркотиками, поэтому я обыскал ее пакет и нашел в нем наркотики. Пять маленьких пакетиков марихуаны на самом дне. Поэтому я арестовал ее.

Дело вроде шло к тому, что Джин опять сядет. Уже второе преступление, связанное с наркотиками, за двенадцать месяцев. И на сей раз никакого условного срока. Корячилось ей от двух до трех лет. И вообще-то я припомнил, что она уже отсидела небольшой срок за это преступление. После ареста провела три недели в тюрьме, прежде чем я уболтал поручителя выпустить ее залог.

Я уже спрашивал Джин об обстоятельствах ее задержания. И она рассказала мне все как на духу. Джин всегда говорила мне правду. Детектив Грейнджер подкатил к ней в поисках небольших бесплатных развлечений на заднем сиденье своей машины. Джин сказала ему, что с нее хватит – она, мол, с этим давно завязала. В результате Грейнджер вышел из машины, выхватил у нее пакет, а когда увидел внутри травку, то сразу сменил тон – сказал ей, что с этого момента хочет пятнадцать процентов от ее выручки, или же арестует ее прямо здесь и сейчас.

Джин сказала ему, что уже платит десять процентов двоим патрульным из семнадцатого райотдела и что это ее вполне устраивает. Эти копы знали Джин, и им было легко закрывать глаза на ее мелкие проделки. Несмотря на свое прошлое, Джин была патриоткой. Торговала она стопроцентно домашней американской марихуаной, полученной прямо с лицензированных государством ферм в штате Вашингтон[5 - С марта 2022 г. к числу штатов, легализовавших употребление марихуаны как в медицинских, так и в рекреационных целях, присоединился и Нью-Йорк. Так что теперь Джин Мари может спать спокойно. (Прим. пер.)]. Большинство клиентов Джин были пожилыми людьми – они курили траву, чтобы избавиться от болей при артрите или не знаю уж от каких еще скорбей. Они были постоянными клиентами и не создавали никаких проблем. Короче, Джин сказала Грейнджеру, чтобы тот шел лесом, поэтому он повязал ее и состряпал всю эту историю.

Разумеется, ничего из этого я не мог доказать в суде. Не собирался даже пытаться.

Когда Норм уселся на свое место, я встал, откашлялся и поправил галстук. Расставил ноги на ширину плеч, сделал глоток воды и приосанился. Типа как настраивался на то, чтобы промурыжить Грейнджера по меньшей мере пару часов. Вынул из папки у себя на столе листок бумаги и задал свидетелю свой первый вопрос:

– Детектив, в ваших показаниях вы утверждаете, что обвиняемая держала пакет в правой руке. Мы знаем, что речь идет о большом коричневом бумажном пакете, который трудно удержать в одной руке. Я так понимаю, она держала его за ручки, приделанные к нему сверху?

Грейнджер посмотрел на меня так, словно я лишь зря трачу его драгоценное время на банальные дурацкие вопросы. Затем кивнул, и уголки его рта приподнялись в улыбке.

– Да, она держала сумку за ручки, – подтвердил он, после чего уверенно посмотрел на стол обвинения, давая сидящим за ним понять, что предвидел нечто подобное, – я не сомневался, что при подготовке к сегодняшнему слушанию Норм с Грейнджером уделили достаточно много времени законности использования коктейльных соломинок. Грейнджер был более чем готов к этому и ожидал, что сейчас я заведу долгий разговор об этих соломинках – используются ли они лишь для газировки, и так далее, и тому подобное.

Не произнеся больше ни слова, я сел. Мой первый вопрос был также и последним.

Я видел, что Грейнджер смотрит на меня с таким подозрительным видом, будто у него только что обчистили карманы, но он в этом не до конца уверен. Норм подтвердил, что у него нет желания повторно допрашивать свидетеля. Детектив Грейнджер покинул свидетельское место, и я попросил Норму предъявить мне три вещественных доказательства, приобщенных к делу.

– Ваша честь, вещественным доказательством номер один в этом деле является сумка. Вот эта, – сказал я, демонстрируя коричневый бумажный пакет с логотипом «Макдоналдса», уложенный в прозрачный пакет для улики. Потом наклонился и поднял с пола свой собственный пакет из «Макдоналдса». Поднял его к первому. – Этот пакет – точно такого же размера. Ровно двадцати дюймов глубиной. Я получил его сегодня утром вместе со своим завтраком.

Поставив оба пакета на пол, я взял следующую пронумерованную улику.

– А вот это – содержимое пакета обвиняемой, изъятое у моей клиентки при аресте. Вещественное доказательство номер два.

Внутри этого опечатанного пакета для улик лежали пять маленьких упаковок марихуаны. По объему их не хватило бы, чтобы даже заполнить чайное блюдце.

– Вещественное доказательство номер три – стандартная соломинка для газировки из «Макдоналдса». Длина ее – восемь дюймов, – объявил я, поднимая ее повыше. – Это точно такая же соломинка, как та, какую я получил сегодня утром.

Достав свою собственную соломинку, я положил ее на стол. Скинул упаковки марихуаны в свой пакет из «Макдоналдса» и показал его судье. После чего взял со стола свою соломинку и, держа ее за кончик, одной рукой опустил в пакет, а другой взялся за бумажные ручки.

Соломинка исчезла из виду.

Пакет я передал судье. Тот посмотрел на него, вынул из его глубин соломинку и бросил ее обратно. Повторил это несколько раз и даже поставил ее вертикально внутри пакета поверх пакетиков с марихуаной. Кончик соломинки оставался в добрых пяти дюймах от верха бумажного мешка. Я точно это знал, поскольку успел и сам провести подобный эксперимент.

– Ваша честь, здесь я вынужден полагаться на точность судебного стенографиста, но, согласно зафиксированным им показаниям детектива Грейнджера, тот «совершенно четко видел соломинку, торчащую из верхней части бумажного пакета». Защита, конечно, признает, что соломинка могла показаться над краем пакета, если б его верхняя часть была свернута вниз. Однако детектив Грейнджер только что подтвердил в своих показаниях, что моя клиентка держала пакет за ручки. Ваша честь, это последняя соломинка, за которую тут можно ухватиться – так сказать.

Судья Паркс поднял руку – он явно услышал от меня достаточно – и, повернувшись в своем кресле, перевел взгляд на Норма.

– Мистер Фолкс, я только что изучил этот пакет и соломинку вкуче с прочими предметами, находящимися на самом его дне. И меня не убеждают слова детектива Грейнджера о том, что он мог видеть соломинку, торчащую из верхней части этого пакета. Таким образом, у него не имелось никаких законных оснований для обыска пакета, и все собранные в результате улики не могут быть приняты судом. Включая соломинку. Я, мягко говоря, несколько обеспокоен недавней склонностью отдельных офицеров полиции относить коктейльные соломинки и прочие безобидные предметы к средствам для употребления наркотиков. Как бы там ни было, у вас не имеется никаких доказательств в поддержку обоснованности ареста, и я снимаю с подсудимой все обвинения. Я уверен, что у вас есть что мне сказать, мистер Фолкс, но в этом уже нет смысла – боюсь, что вы чертовски опоздали.

Джин обхватила меня за шею, едва не придушив. Я слегка похлопал ее по руке, и она отпустила меня. Пожалуй, у нее пропадет всякое желание душить меня в объятиях, когда она получит от меня счет. Судья и его помощники встали и покинули зал суда.

Грейнджер тоже метнулся к двери, по дороге нацелившись в меня указательным пальцем и изобразив выстрел из пистолета. Это ничуть меня не обеспокоило – я к этому давно привык.

– Так когда ждать от вас апелляции? – бросил я Норму.

– Не в этой жизни, – ответил он. – Грейнджер не интересуется всякой мелкой шелупонью вроде вашей клиентки. Похоже, за этим арестом стоит что-то еще, о чем мы с вами никогда не узнаем.

Собрав свое барахло, Норм последовал за моей клиенткой из зала суда. Теперь в зале остались только я и Руди Карп. Он несколько раз хлопнул в ладоши – типа как поаплодировал мне, и на лице у него появилось нечто похожее на искреннюю улыбку.

Встав, Руди произнес:

– Поздравляю! Это выглядело... весьма впечатляюще. Не уделите мне пяток минут своего времени?

– Зачем?

– Я хочу знать, не желаете ли вы занять место второго защитника в самом крупном процессе по делу об убийстве, который только когда-либо видели в этом городе.

Глава 2

Кейн смотрел, как мужчина в клетчатой рубашке открывает входную дверь своей квартиры и стоит на пороге, совершенно потеряв дар речи. Было видно, что тот в полном замешательстве, и Кейну стало интересно, о чем он сейчас думает. Поначалу человек в клетчатой рубашке наверняка решил, что смотрит на собственное отражение в зеркале – как будто какой-то шутник позвонил в его дверь и тут же установил зеркало в полный рост прямо напротив дверного проема. А затем, когда обитатель квартиры понял, что никакого зеркала нет, то потер лоб и отступил на шаг от двери, пытаясь осмыслить увиденное. Кейн впервые оказался от него так близко. Он уже давно наблюдал за ним, фотографировал его, имитировал его речь и походку... Оглядев этого человека с ног до головы, Кейн остался доволен своей работой. На Кейне была точно такая же рубашка, как и на мужчине у двери. Он выкрасил волосы в тот же цвет, и с помощью ножниц, бритвы и кое-какого грима ему удалось довольно точно скопировать линию залысин над висками. Очки в черной оправе были той же модели. Даже на серых брюках, на нижней части левой штанины, в пяти дюймах от обшлага и в двух дюймах от внутреннего шва, красовалось точно такое же пятно от отбеливателя. Ботинки были тоже такими же.

Нацелившись взглядом в лицо мужчины, Кейн отсчитал три секунды, пока тот не понял, что это не розыгрыш и видит он не собственное отражение в зеркале. Тем не менее мужчина посмотрел на свои руки, словно чтобы убедиться, что они пусты. Поскольку в правой руке Кейн держал пистолет с глушителем, опущенный дулом вниз.

Воспользовавшись замешательством своей жертвы, Кейн сильно толкнул мужчину в грудь, заставив его отступить. Вошел в квартиру, ногой толкнул дверь и услышал, как она ударилась о косяк.

– В ванную, быстро, ты в опасности! – выпалил Кейн.

Мужчина поднял руки, его губы беззвучно шевелились, пытаясь подобрать слова. Любые слова. Слова так и не пришли. Он просто пятился по коридору, пока не оказался в ванной комнате и не уперся задом в фаянсовую ванну. Его высоко поднятые руки дрожали, глаза метались по всей фигуре Кейна. Замешательство явно грозило перерасти в панику.

Кейн столь же внимательно изучал мужчину в ванной, подмечая небольшие различия во внешности. Вблизи выяснилось, что сам он похудощавей – тот весил на добрых пятнадцать-двадцать фунтов побольше. Цвет волос оказался близок к оригиналу, но все-таки не совсем то. И еще шрам – маленький, прямо над верхней губой мужчины, на левой щеке. Кейн не видел этого шрама на снимках, которые сделал пять недель назад, и не заметил его на фотографии из водительских прав мужчины, хранящейся в УАТ[б - УАТ (англ. DMV – Department of Motor Vehicles) – Управление автомобильного транспорта, нечто вроде российского ГИБДД. (Прим. пер.)]. Наверное, шрам появился уже после того, как тот фотографировался на права. Правда, Кейн знал, что сможет запросто изобразить его. В свое время он как следует изучил технику голливудских гримеров – тонкий слой быстросохнущего латексного раствора способен воспроизвести практически любой шрам. Кейн кивнул. Единственное, в чем он в буквальном смысле попал в цвет, так это с цветом глаз – по крайней мере, контактные линзы удалось подобрать один в один. Подумалось, что, пожалуй, стоит добавить немного темных теней вокруг глаз, а может, и слегка осветлить кожу. Нос тоже был проблемой. Но той, которую вполне можно было исправить.

«Не идеально, но и не так уж плохо», – подумал Кейн.

– Что, черт возьми, происходит? – спросил упершийся в ванну человек.

Кейн достал из кармана сложенный листок бумаги и бросил его к ногам мужчины, распорядившись:

– Подбери-ка и прочти вслух.

Наклонившись на дрожащих ногах, тот подобрал бумажку, развернул и прочел написанное. А когда опять поднял взгляд, Кейн уже держал в руке небольшой цифровой диктофон.

– Вслух!

– Б-берите все, что хотите, только не убивайте меня, – пролепетал мужчина, закрывая лицо руками.

– Эй, послушай-ка! Твоя жизнь в опасности. У нас не так много времени. Кое-кто идет сюда, чтобы убить тебя. Расслабься, я коп. Я здесь, чтобы занять твое место и защитить тебя. Как думаешь, почему я одет точно так же, как ты? – спросил Кейн.

Глянув сквозь накрывшие лицо пальцы, мужчина опять посмотрел на Кейна, прищурился и принялся качать головой.

– Да кому это понадобилось убивать меня?

– У меня нет времени на объяснения, но этот человек должен поверить, что я – это ты. Мы собираемся уберечь тебя от большой беды – обеспечить твою безопасность. Но сначала мне нужно, чтобы ты кое-что сделал. Видишь ли, я выгляжу в точности как ты, но говорю не так, как ты. Прочти записку вслух, чтобы я мог услышать твой голос. Мне нужно поймать ритм твоей речи, понять, как ты произносишь слова.

Записка задрожала в руках мужчины, когда он начал читать вслух, поначалу нерешительно, пропуская отдельные слова и запинаясь.

– Стоп. Расслабься. Ты в полной безопасности. Все будет хорошо. А теперь попробуй еще разок, с самого начала, – приказал Кейн.

Мужчина перевел дыхание и попробовал снова.

– Голодный фиолетовый динозавр съел добрую игривую лису, болтливую краба и бешеного кита и начал торговать и крякать, – произнес он со смущенным выражением на лице, добавив: – А что все это значит?

Кейн нажал кнопку «стоп», остановив свой цифровой диктофон, поднял пистолет и нацелил его в изумленно приоткрытый рот мужчины.

– Это предложение представляет собой фонетическую панграмму[7 - Панграмма – фраза, содержащая все буквы латинского алфавита. (Прим. пер.)]. Оно дает мне основу для твоего звукового диапазона. Прости. Я соврал. Я и есть тот человек, который пришел убить тебя. Ты уж поверь, мне и вправду хотелось бы пообщаться с тобой подольше. Это все значительно упростило бы...

Единственная пуля из пистолета с глушителем проделала небольшую дыру в небе мужчины. Пистолет был двадцать второго калибра. Никакого выходного отверстия. Никакой крови и мозгов, которые надо смывать, никакой пули, которую пришлось бы выковыривать из стены. Красиво и чисто. Тело мужчины свалилось в ванну.

Кейн бросил пистолет в раковину, вышел из ванной и открыл входную дверь. Осмотрел лестничную площадку. Немного выждал. Вроде никого не видеть. Никто ничего не слышал.

Напротив от входной двери на площадке находилась небольшая кладовка. Кейн открыл ее, взял спортивную сумку и ведро со щелоком, которые там оставил, вернулся в квартиру и прошел в ванную. Если бы после убийства этого человека можно было бы куда-нибудь перевезти тело, работу удалось бы завершить в другом месте и гораздо эффективнее. Но обстоятельства диктовали иное. Нельзя было рисковать, пытаюсь вынести тело, даже по частям. За пять недель наблюдения Кейн видел мужчину выходящим из этой квартиры не больше десятка раз. В здании тот вроде никого не знал, у него не было ни друзей, ни семьи, ни работы, и, что немаловажно, никто его не навещал. Кейн был в этом полностью уверен. Но самого мужчину все-таки знали в этом доме и в окрестностях. Он здоровался с соседями в вестибюле, общался с продавцами в магазине и так далее. Мимолетные знакомства, но тем не менее хоть какой-то контакт. Так что Кейну требовалось разговаривать, как он, выглядеть, как он, и как можно точнее придерживаться его распорядка дня.

С одним очевидным исключением. Распорядку дня этого человека предстояло измениться самым необычным образом.

И прежде чем заняться телом мужчины, Кейну нужно было поработать над самим собой. Он воспользовался моментом, чтобы еще раз изучить лицо своей жертвы поближе.

Нос...

Нос мужчины чуть покосился на левую сторону и был толще, чем у Кейна. Должно быть, он сломал его всего пару лет назад, и у него не было либо страховки, либо денег, либо желания как следует привести его порядок.

Кейн быстро разделся, аккуратно сложил одежду и отнес ее в гостиную. Взял полотенце из ванной, намочил горячей водой под краном в раковине, затем отжал. То же самое проделал с маленьким полотенчиком для лица.

Мокрое банное полотенце он скатал в плотный рулон толщиной около трех дюймов. Накинул маленькое полотенчко на правую сторону лица – так, чтобы оно закрывало нос. Свернутое банное полотенце оказалось достаточно длинным, чтобы удалось повязать его вокруг головы.

Кейн подошел к выходу из ванной, взялся правой рукой за дверную ручку и подтянул дверь к лицу – так, чтобы край двери коснулся переносицы. Повязка должна была частично поглотить удар острого края двери, чтобы тот не рассек кожу. Кейн слегка наклонил голову влево и положил левую руку на левую сторону лица. Почувствовал, как напряглись шейные мышцы, преодолевая давление руки. Теперь уже голова не откинется влево от удара.

Сосчитав в уме до трех, Кейн отвел дверь от себя, а затем резко дернул к себе, ударив ее краем в переносицу. Придерживаемая рукой голова удержалась на месте. Нос – нет. Он понял это по хрусту костей. Ориентироваться приходилось только на звук, поскольку при этом Кейн абсолютно ничего не почувствовал.

Полотенце, обернутое вокруг головы, не позволило двери достать до головы и привести к перелому глазной орбиты. Подобная травма привела бы к кровоизлиянию в глаз, для устранения которого потребовалось бы обращаться к врачам.

Кейн снял с головы оба полотенца и бросил их в ванну на ноги убитого. Посмотрелся в зеркало. Потом глянул на нос мужчины.

То, да не совсем.

Ухватив себя за нос пальцами, Кейн резко мотнул головой влево, услышав при этом характерный хруст раздробленных хрящей – примерно такой же, как если насыпать хлопья для завтрака в салфетку и крепко сжать ее в кулаке. Еще раз посмотрел в зеркало.

Уже лучше. Отек тоже только в жилу. Ну а синяки, которые неизбежно появятся вокруг носа и глаз, можно убрать при помощи тонального крема.

Затем Кейн надел костюм химической защиты, который заранее положил в спортивную сумку вместе с другими вещами. Раздел мужчину в ванне догола. В воздух взметнулось облачко белой пыли, когда он открыл крышку ведра со щелоком в концентрированной порошкообразной форме. Горячая вода текла быстро, вскоре достигнув невыносимой температуры. Кожа мужчины покраснела от жара. Струйки крови плавали и танцевали в горячей воде, словно красный туман. Одну за другой Кейн забросил в ванну три полные пригоршни щелока.

Когда ванна наполнилась примерно на три четверти, он выключил воду. Достал из своей сумки большую прорезиненную простыню, развернул и накрыл ею ванну. Приготовив рулон строительного скотча, принялся крепить простыню к ванне при помощи длинных отрезков ленты.

Кейн знал множество способов избавиться от тела, позволяющих не оставить после себя никаких следов. И этот метод утилизации он находил особенно эффективным. Процесс был основан на щелочном гидролизе. Биокремация разрушает кожу, мышцы, ткани и даже зубы на клеточном уровне. Порошок щелока, смешанный в нужной пропорции с водой, полностью растворяет человека менее чем за шестнадцать часов. После этого в ванне остается лишь зеленовато-бурая жидкость, которая легко смывается в канализацию.

Оставшиеся после этого зубы и кости выглядят обесцвеченными и хрупкими, и их можно легко растереть в пыль просто каблуком ботинка. Осмотревшись, Кейн понял, что идеальное место для избавления от костной пыли – большая коробка со стиральным порошком. На вид растертая кость почти такая же, особенно если как следует перемешать ее с порошком, и никому и в голову не придет туда заглядывать.

Единственная оставшаяся в ванне вещь, которая требовала дополнительного внимания, – это пуля, а ее Кейн мог просто выбросить в реку.

Красиво и чисто – именно так, как ему нравилось.

Удовлетворенный своей работой, Кейн кивнул сам себе и вышел в небольшую прихожую квартиры. Рядом с закрытой входной дверью стоял маленький столик, на котором лежала стопка вскрытой почты. На самом ее верху, гордо выделяясь ярко-красной полоской на фоне белой бумаги, лежал конверт, который Кейн сфотографировал несколько недель назад. Повестка, призывающая исполнить гражданский долг в качестве присяжного в суде.

Глава 3

На Сентер-стрит, прямо перед зданием суда, я увидел черный лимузин, водитель которого уже стоял на тротуаре, придерживая открытую заднюю дверцу. Руди Карп пригласил меня на обед. Я и вправду успел проголодаться.

Водитель лимузина припарковал машину буквально в десяти футах от передвижного киоска с хот-догами, под прилавком которого красовалась моя собственная физиономия – вкупе с объявлением, рекламирующим мои адвокатские услуги. Как будто сейчас мне требовалось дополнительное напоминание о том космическом расстоянии, что разделяло меня и Руди... Как только мы сели в лимузин, он ответил на звонок по мобильнику. Водитель отвез нас в ресторан на Южной Парк-авеню. Я даже не смог бы выговорить его название; звучало оно скорее по-французски. Выйдя из машины, Руди закончил разговор по телефону и сказал:

– Люблю это место. Лучший рататуй в городе.

Я и понятия не имел, что это за «рататуй» такой. Лишь смутно подозревал, что вряд ли это какое-то животное, но с видом знатока кивнул и проследовал за Руди внутрь.

Официант при виде такого гостя сразу переполошился и предоставил нам столик в задней части зала, подальше от людной обеденной зоны. Руди уселся напротив меня. Скатерти и салфетки в этом заведении были, естественно, настоящие, не бумажные, и на заднем плане кто-то тихо наигрывал на

фортепиано.

– Мне нравится здешнее освещение. Так... атмосферно, – заметил Руди.

Освещение оказалось настолько атмосферным, что мне пришлось подсветить себе мобильником, чтобы просто изучить меню. Оно было на французском. Я решил заказать все, что закажет Руди, и на этом успокоиться. Почему-то я чувствовал себя в этом заведении крайне неуютно. Не люблю заказывать по меню, в котором рядом с названиями блюд не указаны цены. Не в моем вкусе такие места. Официант принял наш заказ, налил два стакана воды и ушел.

– В общем, давай сразу к делу, Эдди. Ты мне нравишься. Я уже некоторое время присматриваюсь к тебе. За последние несколько лет у тебя был ряд замечательных дел. Помнишь небось историю с Дэвидом Чайлдом?

Я лишь кивнул. Не люблю разговоров о своих старых делах. Предпочитаю, чтобы все это оставалось между мной и клиентом.

– И ты не раз добивался успеха в судебных процессах против полиции Нью-Йорка. Видишь, мы как следует подготовились, кое-что изучили... Парень ты вроде стоящий.

То, как он произнес «изучили», навело меня на мысль, что ему наверняка известна и моя репутация до того, как я сдал экзамен на адвоката. Хотя все, что пересказывалось о моей прежней жизни мошенника, было лишь слухами. Никто ни черта не мог доказать, и мне это нравилось.

– Насколько я понимаю, ты в курсе, над каким делом я сейчас работаю, – утвердительно произнес Руди.

Это и в самом деле было так. На такое было просто невозможно не обратить внимания. В течение всего последнего года я каждую неделю видел его физиономию в новостях.

– Вы представляете Роберта Соломона, кинозвезду. Суд назначен на следующую неделю, если я не ошибаюсь.

– Процесс начнется через три дня. Завтра – отбор присяжных. И мы бы хотели, чтоб ты был в нашей команде. Ты наверняка сумеешь взять на себя пару свидетелей, если дать тебе немного времени на подготовку. Думаю, что твой стиль принесет успех. Вот потому-то я и здесь. Даю тебе роль второго защитника – поработаешь пару недель, и не говоря уже о всей той рекламе, которую ты на халяву получишь, мы можем предложить тебе фиксированный гонорар в двести тысяч долларов.

Руди улыбнулся мне, сверкнув своими идеальными белоснежными зубами. В этот момент он походил на владельца кондитерской, бесплатно предлагающего беспризорику столько шоколада, сколько тот способен одолеть. Ну просто филантроп и благотворитель. Чем дольше я молчал, тем труднее становилось Руди удерживать эту улыбку.

– Когда вы говорите «мы», то кого именно имеете в виду? Я-то думал, вы единолично рулите своим кораблем под названием «Адвокатское бюро Карпа».

Кивнув, он ответил:

– Да, но когда дело доходит до голливудских звезд, которых судят за убийство, всегда есть и другой игрок. Мой клиент – студия. Это они попросили меня представлять Бобби, и именно они оплачивают счет. Так что скажешь, малыш? Хочешь стать знаменитым адвокатом?

– Обычно предпочитаю держаться в тени, – сказал я.

Лицо у него вытянулось.

– Да ладно, это ведь процесс об убийстве века! Так как все-таки? – не отставал Руди.

– Нет, спасибо, – ответил я.

Карп этого явно не ожидал. Откинувшись на спинку стула, он скрестил руки на груди и произнес:

– Эдди, да любой адвокат в этом городе просто убил бы за место за столом защиты в этом деле! И ты это знаешь. Дело в деньгах? В чем проблема?

Подошел официант с двумя тарелками супа, от которого Руди лишь отмахнулся. Придвинув стул поближе к столу, он подался вперед, опершись на локти в ожидании моего ответа.

– Не хочу показаться надменным придурком, Руди... Вы правы, большинство адвокатов убили бы за это кресло. Но я не такой, как большинство адвокатов. Из того, что я читал в газетах, и того, что видел по телевизору, по-моему, именно Роберт Соломон и убил этих людей. А я не собираюсь помогать убийце уйти от наказания, независимо от того, насколько он знаменит или сколько у него денег. Извините, но мой ответ – нет.

На лице Карпа все еще играла улыбка на пять тысяч долларов, когда он искоса глянул на меня и, слегка кивнув, сказал:

– Я понял, Эдди. А как насчет четверти миллиона для ровного счета?

– Дело не в деньгах. Я не выступаю за виновных. Я уже это проходил. Это обходится гораздо дороже любых денег, – ответил я.

Наконец на лице Руди отразилось осознание, и он на какое-то время спрятал улыбку.

– О, с этим-то у нас как раз нет никаких проблем. Видишь ли, Бобби Соломон невиновен. Полиция Нью-Йорка обвинила его в убийствах при помощи подтасовки улики.

– В самом деле? И вы можете это доказать? – спросил я.

Карп ненадолго примолк.

– Нет, – наконец произнес он. – Но думаю, что ты сможешь.

Глава 4

Кейн уставился в высокое, во весь рост, зеркало, висящее перед ним в спальне. По краям его, засунутые между стеклом и рамой, были прикреплены десятки фотографий мужчины, который сейчас медленно растворялся в собственной ванне. Кейн привез фотографии с собой. Ему требовалось еще немного времени, чтобы как следует изучить свой объект. Один снимок – единственный, на котором Кейну удалось запечатлеть мужчину в сидячем положении – привлек его внимание больше остальных. На этой фотографии объект расположился на скамейке в Центральном парке, бросая хлебные крошки птицам и вытянув перед собой скрещенные ноги.

Кресло, которое Кейн приволок из гостиной, было примерно на пять дюймов ниже парковой скамейки на фотографии, и он изо всех сил пытался правильно расположить ноги. Кейн в жизни не сидел, скрестив ноги. Это никогда не было для него удобно или естественно, но он был настоящим перфекционистом, когда дело доходило до того, чтобы стать кем-то другим. Это всегда было жизненно важно для успеха в намеченном деле.

Способность к подражанию была даром, который он обнаружил у себя еще в школе. На переменах Кейн частенько изображал учителей для остальной части класса, а его одноклассники катались по полу от смеха. Сам он никогда не смеялся, но ему нравилось всеобщее внимание. Нравился смех его ровесников, хотя он не мог понять, почему они смеялись и что именно связывало их смех с его попытками подражания. Тем не менее он время от времени это проделывал. Вдобавок это помогало ему вписаться в любую компанию, не чувствовать себя в ней чужим. В детстве Кейн много переезжал – в новую школу, в новый город – почти каждый год, и каждый раз вскоре после этого его мать неизбежно теряла работу из-за болезни или пьянства. А затем по всему их району появлялись расклеенные объявления – фотографии пропавших домашних животных.

Обычно тогда, когда приходило время двигаться дальше.

Кейн быстро развил в себе способность знакомиться с людьми. Заводить новых друзей ему удавалось без труда, и не похоже, чтобы в этом деле у него не доставало практики. Устраиваемые им представления быстро растапливали лед. Буквально через пару дней девчонки из его класса переставали поглядывать на него свысока, а парни вовлекали его в разговоры о бейсболе.

Вскоре, став постарше, Кейн уже изображал из себя всяких знаменитостей, а также профессоров и преподавателей.

Он сел прямо и опять попытался закинуть одну ногу на другую точно так же, как на фотографии. Правая икра над левым коленом, нога вытянута. Тут его правая нога соскользнула с колена, и он выругался. Сделав небольшой перерыв, несколько раз проиграл панграмму, записанную прямо перед тем, как он пустил зачитавшему ее человеку пулю в голову. Несколько раз произнес ее от начала до конца – вначале едва слышным шепотом, а потом постепенно увеличивая громкость. Кейн вновь и вновь прокручивал запись. Закрыв глаза, внимательно вслушивался. Голос на диктофоне мог быть и получше. Он все еще мог уловить страх в этом голосе. Из-за дрожи, поселившейся в глубине гортани мужчины, некоторые слова звучали неразборчиво. Кейн попытался вычленить их и повторил с более уверенной интонацией, проверяя, как они будут звучать без страха. Голос на диктофоне был довольно низким. Кейн понизил голос на октаву, выпил немного молока, смешанного с жирными сливками, – просто чтобы немного подсадить свои голосовые связки. Это сработало. После некоторой практики, когда Кейн уже мог слышать эти интонации и высоту тона в своей собственной голове, то почувствовал уверенность, что сможет полностью повторить их или, по крайней мере, максимально приблизиться к ним – даже без небольшого отека гортани, вызванного жирным молоком.

Еще минут через пятнадцать голос из диктофона и речь Кейна стали практически идентичными. И на сей раз, когда он закинул ногу на ногу, она осталась там.

Удовлетворенный достигнутым, Кейн встал, вернулся на кухню и опять подошел к холодильнику. Наливая очередную порцию молока, увидел в холодильнике жертвы несколько ингредиентов, которые ему приглянулись. Бекон, яйца, плавленый сыр в аэрозольном баллончике, пачка сливочного масла, несколько мягких на вид помидоров и лимон. Он решил, что яичница с беконом и, пожалуй, несколько ломтиков поджаренного хлеба помогут ему увеличить потребление калорий. Кейну требовалось набрать еще несколько фунтов, чтобы соответствовать весу и комплекции своей жертвы. Учитывая все обстоятельства, наверняка сошло бы и так, или же можно было пристроить на живот тонкую подушку, но Кейн подходил к подобным вещам крайне методично. Если сегодня вечером можно приблизиться к своей цели хотя бы на фунт, съев много жирной пищи, то именно так и следовало поступить.

Найдя под раковиной сковородку, он приготовил яичницу. За едой пролистал несколько рыболовных журналов «Америкэн энглер», лежащих на кухонном столе. Наевшись, отодвинул тарелку. Кейн знал, что в зависимости от того, как пойдут дела вечером, ему может и не выпасть другого шанса поесть до полуночи.

Сегодняшний вечер, подумал он, и вправду мог оказаться довольно хлопотным.

Глава 5

По-моему, этот загадочный рататуй все-таки стоил того, чтобы его дожидаться. Супчик, к слову, оказался ничего себе. Неплохо. Совсем неплохо. Разговор прекратился, как только Руди наконец позволил официанту принести тарелки. Ели мы в полном молчании. Убедившись, что он закончил, я отложил ложку, вытер губы салфеткой и полностью сосредоточился на Руди.

– По-моему, ты все-таки соблазнился этим делом. И наверняка хочешь узнать кое-какие подробности, прежде чем окончательно принять решение. Я прав? – спросил он.

– Правы.

– Не выйдет. Это самое громкое дело, когда-либо случившееся на Восточном побережье. Через пару дней мне предстоит выступить со вступительной речью перед присяжными. Я занимался этим делом с самого начала и приложил все усилия, чтобы сохранить стратегию защиты в секрете. Элемент неожиданности в судебном разбирательстве порой имеет решающее значение. Ты и сам это знаешь. На данный момент ты не зарегистрирован в суде в качестве защитника по этому делу. Все, что я тебе сейчас говорю, не охраняется привилегией адвокатской тайны в отношении клиента.

– А если я подпишу соглашение о конфиденциальности? – спросил я.

– Оно не будет стоить даже бумаги, на которой напечатано, – ответил Руди. – Я мог бы весь свой дом оклеить всеми этими соглашениями о

конфиденциальности, и знаешь, сколько из них было выполнено? Не хватит даже жопу нормально подтереть. Это же Голливуд.

- Так что вы больше ничего не расскажете мне об этом деле? - уточнил я.

- Не могу. Могу сказать лишь одно: я просто уверен, что парнишка невиновен, - сказал Руди.

Искренность вполне можно подделать. Клиент Руди - одаренный молодой актер. Он знает, как играть перед камерой. Но вот Руди, несмотря на все его нахальство и умение убеждать в зале суда, не сумел бы скрыть от меня правду. Я пробыл в его обществе всего полчаса - может, чуть больше. И это заявление прозвучало вполне естественно - похоже, он и вправду верил в то, что говорил. Я не уловил в его речи никаких тревожных звоночков - физических или вербальных, сознательных или бессознательных. Она была чистой. Слова лились рекой. Если б меня спросили, я бы сказал, что Руди говорит правду - он и вправду уверен в невиновности Роберта Соломона.

Но этого было недостаточно. Только не для меня. А что, если Руди попался на удочку клиента-манипулятора? Тем более профессионального актера...

- Послушайте, я и вправду ценю ваше предложение, но мне придется...

- Погоди-ка, - перебил меня Руди. - Не говори пока «нет». Не спеши. Утро вечера мудреней. Хорошенько все обдумай и завтра дай мне знать. Ты еще можешь передумать.

Он оплатил счет, добавил чаевые, достойные знаменитости и покруче, и мы вышли из темного ресторана на улицу. Водитель лимузина выбрался из-за руля и распахнул заднюю дверцу.

- Куда тебя подбросить? - спросил Руди.

- Я оставил машину на Бакстер, сразу за зданием суда, - ответил я.

- Нет проблем. Не против, если мы заскочим на Сорок вторую по дороге? Я хотел бы тебе кое-что показать.

– Годится.

Руди уставился в окно, положив руку на подлокотник и задумчиво поглаживая пальцами губы. Я же обдумывал все услышанное. Мне не потребовалось много времени, чтобы понять, почему Руди настолько хотелось, чтобы я занялся этим делом. Полной уверенности не было, но у меня возник вопрос, который прояснил бы все это раз и навсегда.

– Понимаю, что вы не можете посвятить меня во все подробности, но скажите вот что. Насколько я уяснил себе, некая важная улика, указывающая на то, что правоохранители попросту подставили Роберта Соломона, за последние две недели так волшебным образом и не выплыла на свет?

Секунду Руди молчал. Потом улыбнулся. Он понял, о чем я думаю.

– Ты прав. Новых улик нет. Вообще ничего нового за последние три месяца. Так что, я думаю, ты уже все понял. Не принимай на личный счет.

Если б меня наняли задать перцу полиции Нью-Йорка, то я был бы единственным адвокатом в команде защиты, кого не страшили бы свидетели-полицейские. Я был бы тем, кто их натурально с говном смешал бы. Если получилось бы – отлично. А если б это не понравилось присяжным, меня бы тупо уволили. У Руди было бы время объяснить присяжным, что меня наняли всего неделю назад и что любые обвинения, которые я выдвигаю против копов, исходят не от нашего клиента. Меня бы выставили изгоем, отбившимся от рук. Вычеркнули из сценария. И в этих обстоятельствах Руди сохранил бы хорошие отношения с присяжными, что бы ни случилось. Я был бы в команде в некотором роде расходным материалом – либо героем, либо козлом отпущения.

Умно. Очень умно.

Подняв глаза, я увидел, как Руди показывает на что-то за боковым окошком лимузина. Я наклонился вперед и проследил за его взглядом, увидев рекламный щит нового фильма под названием «Вихрь». Билборды на Сорок второй улице обходятся недешево. Фильм тоже вроде был не дешевый – явно что-то дико дорогостоящее из области научной фантастики. Согласно титрам внизу, в фильме снимались такие звезды, как Роберт Соломон и Ариэлла Блум. Я уже слышал об этом фильме. Все в стране, кто хоть раз в этом году включал

телевизор, тоже знали о нем. И о сумасшедшем бюджете в три сотни миллионов долларов, и о Роберте Соломоне с его супругой Ариэллой Блум в главных ролях. Арест восходящей голливудской звезды, обвиняемой в убийстве, гарантировал массовое, бешеное освещение в прессе. Жертвами этого убийства стали сразу двое: начальник службы безопасности Бобби – Карл Тозер, и жена Бобби – Ариэлла Блум. На момент этих убийств Роберт и Ариэлла были женаты уже два месяца и только что сняли первый сезон собственного реалити-шоу. Большинство экспертов утверждали, что этот судебный процесс будет более громким, чем суды над О. Джей Симпсоном и Майклом Джексонем, вместе взятыми[8 - Один из самых резонансных судебных процессов в современной истории. Бывшего профессионального футболиста, а позже киноактера О. Джей Симпсона в 1994 г. обвиняли в убийстве собственной жены и ее приятеля, но благодаря мастерству адвокатов Р. Кардашьяна и Дж. Кокрана ему удалось выкрутиться. Впрочем, так называемый «гражданский суд» все-таки признал его виновным и обязал выплатить родственникам погибших 33,5 млн долларов. Известного певца и композитора Майкла Джексона неоднократно обвиняли в развращении малолетних, но все судебные процессы он выиграл. Единственные проигранные певцом суды касались невыполнения им финансовых обязательств. (Прим. пер.)].

– Этот рекламный щит появился на прошлой неделе. Хороший пиар для Бобби, но фильм уже почти год лежит на полке. А если Роберта признают виновным, то там и останется. Если после долгого судебного разбирательства его отпустят за недостаточностью улик или чем-то в этом роде, – тоже. Единственный способ выпустить этот фильм и вернуть студии вложенные деньги – продемонстрировать всему миру, что Роберт невиновен. Он подписал выгодный контракт со студией еще на три фильма. Для студии это был бы верняк. Мы должны приложить все усилия, чтобы Бобби смог выполнить этот контракт. В противном случае студия может потерять значительную сумму денег. Вообще-то измеряемую миллионами. От этого многое зависит, Эдди. Нам нужен окончательный результат в нашу пользу, и как можно скорее.

Я кивнул и отвернулся от щита. Может, Руди и заботила судьба Роберта Соломона, но все-таки не так сильно, как денег студии. И кто стал бы его в этом винить? В конце концов, он ведь адвокат.

Все газетные киоски на Сорок второй улице пестрели новостями о скором начале судебного процесса.

Чем больше я думал об этом, тем больше приходил к мысли, что это дело – натуральный кошмар. Судя по всему, между студией и Бобби может возникнуть конфликт. А что, если парень захочет признать себя виновным и заключить сделку с окружным прокурором, а студия ему не позволит? А вдруг он и вправду невиновен?

С Сорок второй улицы мы свернули на юг, к Сентер-стрит, и я постарался припомнить все, что слышал об этом деле в новостях. Судя по всему, началось все со звонка Соломона в службу «911» – он сообщил полиции, что нашел свою жену и своего начальника службы безопасности мертвыми. По вызову приехали двое копов. Соломон впустил их в дом, и они поднялись наверх.

Столик на лестничной площадке второго этажа был перевернут. Рядом с ним – разбитая ваза. Столик стоял перед окном в задней части дома, выходящим на небольшой огороженный садик внизу. На этом этаже было три спальни. Две стояли пустыми и темными. Хозяйская спальня в конце коридора была тоже погружена во тьму. Внутри этой комнаты они нашли Ариэllu и Карла, начальника службы безопасности. Или, вернее, то, чем они стали. Оба лежали на кровати мертвые и голые.

На Соломоне обнаружили кровь его жены. По-видимому, имелись и другие вещественные улики, обнаруженные криминалистами, которые прокуратура охарактеризовала бы лишь как неопровержимые доказательства вины Соломона.

Дело закрыто.

По крайней мере, так мне тогда подумалось.

– Если Роберт не убивал тех людей, то кто же это сделал? – спросил я.

Машина свернула на Сентер-стрит и притормозила у здания суда. Развернувшись на сиденье, Руди произнес:

– Мы сейчас должны сосредоточиться на том, кто этого не делал. Это полицейская подстава. Все как по учебнику. Послушай, я знаю, что это непростое решение. И ценю твой подход с моральной точки зрения. Потрать сегодняшний вечер на то, чтобы как следует подумать об этом. Если ты решишь,

что хочешь вписаться, позвони мне. Что там дальше ни будет, приятно было пообщаться, – сказал Руди, протягивая мне свою визитку.

Машина остановилась, мы с Карпом обменялись рукопожатием, а водитель вышел и открыл мне дверцу. Выйдя на тротуар, я посмотрел на отъезжающий лимузин. Не видя материалов по делу, я мог лишь догадываться, что копы с ходу решили, что убийца – Роберт, и наверняка позаботились о том, чтобы его гарантированно осудили. Большинство копов просто хотят посадить преступников за решетку. И чем страшней преступление, тем больше вероятность того, что полиция подтасует улики. А это незаконно. Да, нечто подобное можно кое-как оправдать с моральной точки зрения, но копы не имеют права баловаться с уликами – потому как в следующий раз они могут проделать то же самое с ни в чем не повинным человеком.

Я знал нескольких копов. Честных. А любого копа, который манипулировал уликами в угоду своему делу, его честные коллеги ненавидели даже еще сильнее, чем адвокатов защиты.

Свернув за угол на Бакстер-стрит, я поискал глазами свою машину – синий «Мустанг». Нигде его на улице не приметив, огляделся. И тут увидел, как сотрудник городской парковочной службы грузит его на эвакуатор.

– Эй, это моя машина! – заорал я, перебегая улицу.

– Тогда вам следовало заплатить за парковку, старина, – отозвался пухлый малый в ярко-синей униформе.

– Но я заплатил за парковку! – возмутился я.

Парковщик покачал головой, протянул мне квитанцию и ткнул пальцем в мою машину, которую уже опускали краном-манипулятором на грузовик. Вначале я не мог понять, на что указывает парень, но потом все увидел. Вместо парковочного квитка под щетку стеклоочистителя на моем лобовом стекле был засунут пакет из «Макдоналдса». Поверх него торчали штук тридцать или сорок коктейльных соломинок. На коричневой бумаге пакета виднелись какие-то буквы, написанные черным маркером. Шины «Мустанга» наконец ударились о платформу, я вскарабкался на эвакуатор и выдернул пакет. Оставленное мне сообщение гласило:

«Ты ОПОЗДАЛ».

Я бросил пакет в ближайший мусорный бак, достал мобильник и набрал номер на карточке, которую оставил мне Руди.

– Руди, это Эдди. Я уже все обдумал. Хотите, чтобы я дал просрать полицию Нью-Йорка? Да пошло оно все к чертям! Я хочу посмотреть документы по делу как официальный адвокат Роберта, но только при одном условии. Если после того, как я ознакомлюсь с делом, у меня останутся сомнения в его невиновности, то я пас.

Глава 6

В любое другое время года я мог бы дойти до офиса «Адвокатского бюро Карпа» всего минут за десять. Мой собственный офис, который без ведома моего домовладельца одновременно служил мне квартирой, находился на Западной Сорок шестой улице, неподалеку от Девятой авеню. Обернув шею шарфом и закутавшись в пальто, я вышел из него около половины шестого. Времени хватало, чтоб перехватить по дороге ломтик пеперони с какой-нибудь газировкой и вообще не торопиться. Солнце уже зашло, и тротуары начали покрываться наледью. Спешить не стоило, если я намеревался добраться до места целым и невредимым. Мой пункт назначения располагался по адресу Таймс-сквер, 4 – здание, некогда известное как «Конде-Наст-билдинг». Легендарный, экологически чистый небоскреб сорока восьми этажей в высоту, питаемый солнечной энергией. Люди, обитающие в этом здании, употребляли продукты с маркировкой «Фейтрейд», органический кофе и чайный гриб. Всемирно известное журнальное издательство Конде Наст несколько лет назад переехало отсюда в «Башню свободы», после чего в названный именем его основателя небоскреб вселились адвокаты.

Ровно в пять минут седьмого я вошел в вестибюль. Входные двери и регистрационную стойку, облицованную белым мрамором, разделяла как минимум сотня футов сверкающих плиток. Потолок высотой где-то в восемьдесят-девять футов был выложен рядами отполированных до блеска стальных панелей, напоминающих броню какого-то огромного зверя.

Если б у Господа Бога был вестибюль, то, думаю, он не слишком отличался бы от этого.

Отбивая каблуками размеренный ритм, гулко отдающийся в огромном помещении, я направился к регистрационной стойке, возле которой не заметил ни диванов, ни кресел. Если кого-то здесь ждешь – значит, стой столбом. Все это место словно специально было создано для того, чтобы ты почувствовал себя чем-то мелким и незначительным. Прошла, как мне показалось, целая вечность, когда я наконец добрался до мраморной стойки и назвал свое имя худощавому розоволицему малому в костюме, который словно еще больше сдавливал его и без того птичью грудь.

– Вас ожидают, сэр? – поинтересовался он с британским прононсом.

– У меня назначена встреча, если ты это имеешь в виду, – ответил я.

Его губы скривились в нечто долженствующее изображать приветливую улыбку, хотя без особого успеха. Выглядело это так, будто розоволицый консьерж только что попробовал какую-то гадость, но отчаянно пытается этого не показывать.

– Сейчас к вам кто-нибудь спустится, – сказал он.

Благодарно кивнув, я отошел в сторонку и принялся бесцельно расхаживать по плиточному полу – просто чтобы не стоять на месте. Тут в кармане куртки у меня зажужжал телефон. На дисплее высветилось: «Кристина». Моя жена. Последние полтора года она жила в Риверхеде и работала в одной юридической фирме среднего пошиба. Наша двенадцатилетняя дочь Эми хорошо освоилась в своей новой школе. Разошлись мы пару лет назад. К этому уже давно подводило мое пьянство, но последней каплей стали несколько судебных дел, в ходе работы над которыми я реально поставил свою семью под угрозу. Год назад мы с Кристиной поговаривали о том, чтобы опять сойтись, но я не мог так рисковать. Только не тогда, пока продолжаю заниматься адвокатской практикой. Я давно уже подумывал завязать, но что-то всякий раз удерживало меня от этого шага. Буха?ть по-черному я начал в свое время во многом потому, что совершил серьезную ошибку, доверившись одному клиенту и позволив ему выйти сухим из воды. Выяснилось, что он был виновен в том преступлении, которое ему вменялось, и в какой-то момент я и сам это понял. А уже после суда, выйдя на

свободу, этот гад опять едва не убил человека. Мне приходилось иметь дело с этим знанием каждый божий день. И каждый день я пытался загладить свою вину. Понимая при этом, что если отойду от дел и перестану помогать людям, то где-то с полгодика еще продержусь, но потом опять начну это чувствовать. Чувство вины было клеймом, весившим добрых двести фунтов. Пока я боролся за тех клиентов, в которых верил, то постепенно сбрасывал с плеч этот вес. Но это дело небыстрое. Я надеялся и молился, чтобы в конце меня ждала Кристина.

– Эдди, ты завтра вечером сильно занят? Я собираюсь приготовить фрикадельки, и Эми будет рада тебя видеть, – сказала Кристина.

Это было непривычно. Повидаться с Эми я обычно приезжал по выходным. На буднях меня никогда еще не приглашали.

– Вообще-то не исключено, что я возьмусь за новое дело. Довольно серьезное, но пару часов всегда выкрою. А по какому случаю банкет? – спросил я.

– О, ничего особенного. Так как насчет половины восьмого?

– Обязательно буду.

– Только именно в половине восьмого, а не в восемь и не в половине девятого, хорошо?

– Обещаю.

Меня давно уже не приглашали на ужин, и я даже слегка занервничал. Мне очень хотелось, чтобы мы опять стали одной семьей, но моя работа частенько подкладывала мне под двери всевозможные неприятности. Последние несколько лет я ломал голову над тем, как бы найти в своем ремесле нишу поспокойней. Дела, за которые я брался, обычно заканчивались всякими серьезными заморочками. Моя семья этого никак не заслуживала. В последнее время я все больше чувствовал, что пора бы сделать перерыв. Моя дочь росла, а я не был с ней каждый день, чтобы видеть это.

Явно требовались какие-то перемены.

Эхо шагов, разнесшееся по вестибюлю, привлекло мое внимание к миниатюрной женщине с суровым лицом, в черном костюме и со стрижкой, которая у дам вроде именуется «боб-каре с ушами» – коротенькие вихры на затылке и две длинные треугольные пряди по бокам. Эти пряди энергично болтались в такт цоканью каблучков, возвестившему о ее появлении.

– Мистер Флинн, прошу за мной, – произнесла она с каким-то акцентом, вроде как немецким.

Я последовал за ней к ожидающему лифту. Через несколько секунд мы оказались на другом этаже. Еще больше белых плиток вели к стеклянным дверям с надписью «АДВОКАТСКОЕ БЮРО КАРПА».

К штабу предстоящего процесса со стороны защиты.

Офис оказался просто-таки огромным, полностью открытой планировки, не считая двух больших конференц-залов со стеклянными стенами справа. На лицах армии адвокатов Руди, занявших все имеющиеся столы, горели отсветы компьютерных экранов. Нигде ни клочка бумаги. В одном из конференц-залов я увидел группу людей в деловых костюмах, суесящихся вокруг двенадцати человек, одетых в обычную уличную одежду – якобы жюри присяжных. Некоторые крупные юридические фирмы предпочитают обкатывать свои судебные стратегии, устраивая такие вот имитационные слушания с присяжными, в основном из безработных актеров, от которых требуют подписать толстые, пугающие соглашения о конфиденциальности в обмен на солидную дневную оплату. Актеров, в отличие от адвокатов, как правило, легко напугать, когда речь заходит о соглашениях о конфиденциальности.

В другом конференц-зале я увидел Руди Карпа, в полном одиночестве восседавшего во главе длинного стола. Меня провели туда.

– Присаживайся, Эдди, – произнес он, указывая на кресло рядом с собой. Я снял пальто, бросил его на соседнее кресло и уселся за стол для совещаний – не такой большой, как в главном конференц-зале. Вокруг него было расставлено девять кресел – по четыре с каждой стороны и одно во главе стола для Руди. Оглядев комнату, я увидел шкаф, заполненный разнообразными деловыми призами – статуэтками, фигурками и хрусталем от всяких почтенных организаций вроде Всеамериканской ассоциации адвокатов. Похоже, Руди

всегда усаживал своих клиентов по эту сторону стола, чтобы набитый наградами шкаф оказывался у них прямо на виду. Отчасти с рекламными целями, хотя я не сомневался, что дело тут было скорее в чрезмерно раздутом самолюбии.

– Я приготовил материалы по делу, которые ты можешь забрать с собой. Думаю, вечера хватит, чтобы выяснить все, что тебе может понадобиться, – сказал Руди.

Уже знакомая мне блондинка подошла к нам, взяла с дальнего конца стола тонкий металлический лэптоп и положила перед ним. Он развернул его и подтолкнул ко мне.

– Все, что тебе нужно, здесь на жестком диске. К сожалению, выносить из офиса любые бумаги у нас строго запрещено. Вокруг наших сотрудников так и кружат репортеры. Приходится соблюдать большую осторожность. У всех, кто занимается этим делом, есть защищенный «Мак». Интернет на всех этих компьютерах отключен, так что выйти в Сеть можно только в этом офисе, через блютуз. У нас есть защищенный паролем сервер. Можешь взять этот ноут с собой, – сказал он.

– Предпочитаю работать с бумажными документами, – сказал я.

– Знаю. Тоже предпочитаю, но мы не можем рисковать тем, чтобы хоть одна страница этого дела попала в газеты до суда. Сам понимаешь.

Кивнув, я открыл крышку лэптопа и увидел запрос на ввод пароля.

– Забудь об этом пока... Я хочу тебя кое с кем познакомить. Миз Каннард, не будете ли так добры? – произнес Руди.

Дама, которая привела меня сюда, повернулась и ушла, не сказав ни слова.

Мои пальцы нетерпеливо постукивали по полированной дубовой поверхности стола для совещаний. Я хотел поскорей перейти к делу.

– Что заставляет вас думать, что Роберта Соломона подставили копы? – спросил я.

– Ты, конечно, сейчас начнешь возмущаться, но я не хочу тебе этого говорить. Если я скажу, ты сосредоточишься только на этом наборе факторов. Я хочу, чтобы ты сам во всем разобрался. Таким образом, если мы оба придем к одним и тем же выводам, мне будет легче донести это до присяжных, – сказал Руди и, произнося слово «присяжных», на миг бросил взгляд на имитацию судебного процесса, проходящую в соседнем конференц-зале.

– Что ж, разумно. Ну а как дела со всеми этими инсценировками? – поинтересовался я.

– Не слишком-то хорошо. Мы провели уже четыре таких имитационных процесса. В трех случаях – единогласно обвинительный вердикт, и лишь в одном мнения присяжных разделились.

– В какой пропорции?

– Трое выступили за невиновность. Во время собеседований по окончании инсценировки эти присяжные сказали, что копы их не убедили, хотя и не сочли при этом, что имела место какая-то нечистая игра. Это тот тонкий момент, когда нам придется буквально ходить по краю. Вот потому-то мы и привлекли тебя. Если ты свалишься, то свалишься. Мы продолжим без тебя и постараемся ликвидировать ущерб. Ты ведь и сам это понимаешь, верно?

– Так я и думал. Для меня это не имеет значения. Единственно, я пока не решил, готов ли в принципе во все это вписаться. Мне нужно ознакомиться с делом. Тогда я и приму решение.

Прежде чем я успел договорить, Руди встал. Взгляд его был прикован к двери. К ней подошли два здоровенных мужика в черных шерстяных пальто. Короткие стрижки. Большие руки. Толстые шеи. За ними появились еще двое. Те же габариты. Те же «ежики» на головах. Те же бычьи затылки. Они следовали за невысоким молодым мужчиной в темных очках и кожаной куртке. Один из здоровяков открыл стеклянную дверь в кабинет Руди, вошел внутрь и придержал ее. Парень, находящийся на их попечении, вошел в офис, а охранник вышел и закрыл за собой дверь.

Глядя на Роберта Соломона на большом экране, я всегда считал, что он примерно моего роста – где-то шесть футов и два дюйма. И около ста

семидесяти пяти фунтов весом. Тот же человек, что оказался сейчас передо мной, ростом был от силы в пять футов пять дюймов, а весил, наверное, примерно столько же, сколько одна рука его охранника. Кожаная куртка висела на узких плечах, как на вешалке, а тесные джинсы делали его ноги похожими на зубочистки. Темные волосы спадали ему на лицо, большие солнцезащитные очки закрывали глаза. Он подошел к столу для совещаний, и я встал, когда он протянул мне бледную костлявую руку.

Я осторожно взял ее. Не хотел ненароком причинить ему боль.

– Это тот самый парень, Руди? – спросил он, и тут я окончательно узнал его. Голос был сильным и мелодичным. Вне всяких сомнений, передо мной стоял Роберт Соломон.

– Да, тот самый, – подтвердил Руди.

– Рад познакомиться с вами, мистер Флинн, – сказал Роберт.

– Зовите меня просто Эдди.

– Эдди, – произнес он, словно пробуя это слово на вкус. Я просто не сумел сдержать дешевый трепет, когда он произнес мое имя. Это был парень, которого подавали как следующего Леонардо Ди Каприо. – Зовите меня просто Бобби.

Рукопожатие, по крайней мере, оказалось крепким. И вроде даже искренним. Он подошел к креслу рядом с моим, и все мы уселись. Руди положил передо мной на стол какой-то документ, попросив внимательно прочесть и подписать его. Я бегло просмотрел скрепленные степлером листы. Довольно жесткое соглашение о предварительной оплате адвокатских услуг, связывающее меня с клиентом отношениями полной конфиденциальности. Перелистывая страницы, я заметил, как сидящий справа от меня Бобби снял черные очки и запустил пальцы в волосы. Красивый малый. Высокие скулы. Пронзительные голубые глаза.

Подписав соглашение, я вернул его Руди.

– Спасибо. Бобби, просто чтоб вы знали: Эдди еще не согласился взяться за это дело. Он собирается изучить все материалы и только потом принять решение.

Видите ли, Эдди не такой, как большинство адвокатов защиты. Он следует... Ну, по-моему, кодекс – это будет слишком уж громко сказано... Скажем так: если Эдди после прочтения материалов по делу решит, что вы виновны, он уйдет. А если сочтет, что невиновны, то возьмется помочь нам. Офигительный способ вести дела для адвоката, вам не кажется? – сказал Руди.

– Мне это нравится, – отозвался Бобби, кладя руку мне на плечо, и всего пару секунд мы смотрели друг на друга. Не произнося ни слова. Просто смотрели. Ощупывали друг друга невидимыми усиками. Он хотел знать, сомневаюсь ли я в нем. Я же наблюдал за его «значками», как сам это называю – тем, что по-научному именуется «языком тела», – но также изучал его глаза. Ни на секунду не упуская из виду тот факт, что он – одаренный актер.

– Я ценю, что у вас есть свои собственные принципы работы. Хотите предварительно ознакомиться с делом? Меня это полностью устраивает. По большому счету, доказательства обвинения не имеют никакого значения. Только не для меня. Я не убивал Ари. Я не убивал Карла. Это сделал кто-то другой. Я... я нашел их, понимаете? Голыми в собственной постели. Я до сих пор вижу их. Стоит только закрыть глаза. Я просто не могу выбросить эту картинку из головы. Что сделали с Ари? Это... просто... Господи... Никто не должен так умирать! Я хочу увидеть настоящего убийцу в суде. Это все, чего я хочу. Хотел бы я видеть, как он горит в аду за то, что сделал!

Печально, но факт: в совершении преступлений порой обвиняют и ни в чем не повинных людей. Вся наша система правосудия построена на этом. Каждый, блин, день нечто подобное происходит. Я видел достаточно невиновных людей, обвиненных в причинении вреда своим близким, чтобы научиться понимать, когда кто-то говорит правду, а когда лжет. У лжецов нет такого взгляда. Это трудно описать... Есть в нем потеря и боль. Но есть и кое-что еще. Гнев и страх, конечно же. И, наконец, пылающее, сжигающее человека изнутри чувство несправедливости. Мне настолько часто приходилось иметь с этим дело, что я чуть ли не наяву видел, как оно танцует где-то в уголках глаз, словно открытое пламя. Кто-то убивает кого-то из вашей родни, любовницу или друга, и именно вы предстаете перед судом, в то время как убийца преспокойно гуляет на свободе. На земле больше нет ничего подобного. И во всем мире это всегда один и тот же взгляд. Ни в чем не повинный человек, ложно обвиненный в каком-либо преступлении, выглядит точно так же что в Нигерии, что в Ирландии, Исландии и так далее. Если вам когда-либо доводилось видеть такой взгляд, вы его уже никогда не забудете. Увидеть его можно редко. А уж если он есть, то его

обладатель с равным успехом может вытатуировать слово «невиновен» прямо у себя на лбу. Я догадался, что Руди и сам засек этот взгляд. Вот потому-то и хотел поскорей познакомить меня с Бобби. Он знал, что я тоже его увижу, и это повлияет на мое решение гораздо сильнее, чем чтение материалов дела.

У Бобби Соломона был как раз такой взгляд.

И я понял, что должен ему помочь.

Глава 7

Полчаса в компании Бобби пролетели незаметно. Полный кофейник помог ему разговориться, и я тоже выпил две чашки, пока слушал. Он оказался сыном фермера из Вирджинии. Ни братьев, ни сестер. Мать ушла, когда ему было шесть. Сбежала с каким-то гитаристом, с которым познакомилась в баре. Остались только Бобби, его отец и ферма. В детстве подобное существование его вполне устраивало, пока он не понял, что возможна и совсем другая жизнь. Осознание этого поразило Бобби одним субботним днем, когда ему было пятнадцать. Его девушка училась актерскому мастерству в театральной студии, а Бобби перепутал время и подошел к церковному залу примерно за час до окончания занятий.

И вместо того, чтобы дожидаться подругу на улице, решил войти и посмотреть.

Тот день изменил для него все.

Бобби был просто сражен. Он никогда раньше не видел театр. Не понимал его, всей его силы. Это было странно для него, потому что он всегда любил кинофильмы, но никогда по-настоящему не задумывался о том, как они делаются или кто в них играет. Когда девушка освободилась, он буквально завалил ее вопросами, отчаянно желая побольше узнать об актерском ремесле. На следующей неделе и сам записался в студию, а шесть недель спустя впервые попробовал себя в самодеятельной постановке. После этого обратного пути на ферму уже не было.

– Мой папаня, он тогда сделал мне просто-таки царский подарок. В тот день, когда мне исполнилось семнадцать, продал часть скота и вручил мне в руки тысячу баксов. Блин, в то время я думал, что это все деньги в мире! Я никогда не видел столько денег. Купюры были в основном десятки и пятерки, с крупинками земли и так далее. Настоящие деньги торговца скотом, понимаете?

Я легко догадался, что Бобби – миллионер. И что миллион у него наверняка не один. Однако глаза его блестели, когда он говорил о той пачке мелких банкнот, которую дал ему отец.

– Я аккуратно сложил эти купюры, половину засунул в бумажник, а половину – в карман. А потом отец сказал, что купил мне билет на автобус до Нью-Йорка. Боже, это был лучший день в моей жизни! Но при этом и худший. Я понимал, что годы берут свое. Отцу было уже не под силу в одиночку управляться с фермой. Однако все это не имело для него никакого значения. Он просто хотел, чтобы я обязательно получил свой шанс, понимаете?

Я кивнул.

– И я воспользовался им ради своего папани. Семь лет регулярно ходил на актерские пробы, каждую собаку там уже знал, подрабатывал уборщиком посуды в ресторане, официантом... Везде поспевал. Получил почти половину ролей, на которые рассчитывал. И вот в один прекрасный день карты легли так, что я оказался прямиком на Бродвее. Те первые два года дались нелегко. Отец заболел, и пришлось носиться туда-сюда. Он все-таки попал на мою премьеру. Увидел, как я играю главную роль в бродвейском спектакле. После этого папа долго не протянул. Так и не узнал о том, что мне позвонили из Голливуда. Ему бы это понравилось, – сказал Бобби.

– Он успел познакомиться с Ариэллой? – спросил я.

Бобби покачал головой:

– Нет, к сожалению. Папа наверняка полюбил бы ее.

Он склонил голову. Сглотнул. И поведал мне, как все было.

Познакомились они на съемках независимой картины под названием «Ветчина». Что-то там такое про историю взросления. Ни одной совместной сцены в фильме у них не было, но они случайно пересеклись на съемочной площадке и после этого уже проводили все свое свободное время вместе. К тому моменту Ариэлла успела сыграть несколько второстепенных ролей в полудюжине популярных фильмов. Карьера ее, похоже, шла в гору. В том независимом фильме она впервые сыграла главную роль и рассчитывала, что он станет суперхитом и ее визитной карточкой. И все вышло именно так. Восходящая звезда на некоторое время присоединилась к звезде, уже давно сияющей на небосклоне. Им не потребовалось много времени, чтобы стать молодой знаменитой парой. Они получили главные роли в научно-фантастическом блокбастере и подписали контракт на реалити-шоу.

– Все просто не могло сложиться еще лучше, – сказал Бобби. – Вот почему все это не имеет никакого смысла. Я был счастлив с Ари, все шло просто чудесно. Мы только что поженились. Если во время дачи показаний выпадет такая возможность, я спрошу у прокурора, с чего это они, блин, взяли, что я мог убить женщину, которую любил? Это просто не имеет никакого смысла, – еще раз повторил он.

Бобби сгорбился в кресле и принялся тереть лоб, уставившись куда-то в пространство. Я предпочел умолчать, что могу назвать ему дюжину причин, по которым кто-то в его положении мог прикончить свою новоиспеченную супругу.

– Поскольку я, скорее всего, возьмусь за это дело, Бобби, вы должны знать, что я буду воспринимать каждую нашу встречу как тренировку перед судом. Если я услышу, что вы говорите что-то неуместное, мне придется указать вам на это, чтобы вы не лягнули этого на суде, понятно? – сказал я.

– Конечно, конечно. А что я такого успел лягнуть? – спросил он, вновь выпрямляясь.

– Вы сказали, что собираетесь задать вопрос прокурору. Хотя ваша задача – отвечать на вопросы. Вот в чем суть дачи показаний на суде. Худшее, что может случиться, если вы зададите подобный вопрос, – это что прокурор и вправду даст вам ответ. Он может сказать, что вы убили Ариэлла Блум, потому что получили от нее все, что вам требовалось, что вы ее не любили, что вы влюбились в другую женщину и не хотели громкого развода с полосканием грязного белья, или что вы вдруг выяснили, что она влюбилась в кого-то другого,

и опять-таки не хотели громкого развода, что вы были под кайфом, что вы были пьяны, что на вас внезапно накатил приступ ревности, или она раскрыла какой-то ваш темный секрет.

Я сделал паузу. Как только я произнес слово «секрет», глаза Бобби ожили, пробежались по комнате и остановились на моем лице.

Это меня напрягло. Поначалу мне нравился этот парень. Теперь же я не был настолько в этом уверен.

– Я не хочу, чтобы между нами были какие-то секреты. Это касается и вас, Руди, – произнес Бобби.

И я, и Карп собрались было предупредить его, чтобы он не рассказывал нам ничего, что могло бы скомпрометировать его защиту, но было уже слишком поздно. Прежде чем мы успели остановить его, Бобби рассказал нам все.

Глава 8

Месяц назад Кейну потребовался целый день, чтобы заполучить это парковочное место. В тот день ему удалось занять место довольно близко от него, и он терпеливо сидел в машине до тех пор, пока нужное не освободилось. Как только это произошло, он быстро заехал на него. Теперь же Кейн сидел на водительском сиденье своего универсала, прихлебывая горячий кофе из термоса. Он знал, что все это того стоило. Гараж на Таймс-сквер – прямо через дорогу от здания «Конде Наст». Если припарковаться на восьмом этаже и занять одно из десяти мест слева, можно получить довольно хороший обзор противоположной стороны улицы. С такой высоты по-прежнему хорошо видно происходящее на тротуаре и проезжей части, а офис «Адвокатского бюро Карпа», свет в котором, похоже, горел круглосуточно, – прямо на уровне глаз. С помощью небольшого цифрового бинокля Кейн наблюдал за подготовкой команды защиты к судебному разбирательству. Видел, как партнеры Карпа отпускают какие-то замечания, пока Руди Карп репетирует свою вступительную речь, и сумел проследить за двумя инсценировками судебного процесса.

Что еще более важно, Кейну удалось угледеть, как Карп вместе с консультантом по отбору присяжных размещают ламинированные фотографии размером восемь на десять на большой доске в задней части конференц-зала. На снимках были мужчины и женщины, привлеченные государством в качестве присяжных. Некоторые фотографии от недели к неделе менялись, поскольку, пытаясь подобрать оптимальный состав присяжных для грядущего судебного разбирательства, команда защиты регулярно вносила коррективы в их список. В тот вечер на доске был вывешен результат окончательного отбора – фотографии двенадцати человек, которых защита намеревалась предложить суду со своей стороны.

Удалось Кейну и подслушать то, о чем говорилось на совещаниях в просторном личном кабинете Руди Карпа, – речь шла о стратегии защиты. Быстрый осмотр внутренних помещений фирмы при помощи бинокля всего после пары дней наблюдения дал ему представление о том, как установить там подслушивающее устройство. Дело было рискованное, но не слишком. Кейн лично видел, как Руди взял у своего секретаря принесенную почтальоном посылку, открыл коробку и осмотрел очередной приз вроде тех, которыми был забит застекленный шкаф, – некую металлическую загогулину на полой деревянной подставке. На приделанной к ней маленькой медной табличке красовалась надпись: «Руди Карпу, адвокату года. ЕАМА».

Согласно сопроводительной записке, ЕАМА расшифровывалась как «Европейская ассоциация молодых адвокатов». Указывался и обратный адрес. Через микрофон, встроенный в фальшивый приз, Кейн первым делом услышал, как Карп диктует благодарственное письмо, которое требовалось отправить на почтовый ящик в Брюсселе, заранее зарегистрированный Кейном.

Со своего наблюдательного пункта на парковке через дорогу Кейн проследил, как секретарша Карпа ставит награду рядом с остальными.

Было это три недели назад. До суда оставалось всего два дня, и Кейн чувствовал себя вполне уверенно. Инсценировки судебного процесса практически всякий раз заканчивались обвинительным приговором. Члены команды защиты постоянно грызлись между собой. Бобби Соломон все больше походил на человека, находящегося на грани полного нервного срыва. И в довершение всего, студия была явно недовольна. Ее руководство постоянно давило на Руди. В Голливуде хотели, чтобы Соломон был признан невиновным, и до сих пор никакие киношные деньги не позволили даже на шаг приблизиться к решению

этой задачи. В студии просто не понимали, что тут не так.

Кейн был крайне всем этим доволен.

Всем, кроме окончательного списка из двенадцати присяжных, отобранных защитой. Не было никакой гарантии, что какая-то из множества предложенных кандидатур попадет в окончательный состав жюри, и хотя он уже не раз видел фотографию человека, которого теперь представлял, сегодня ее на доске не наблюдалось.

Требовалось внести в список присяжных некоторые коррективы.

Размышляя об этом, Кейн смотрел на какого-то молодого адвоката, сидящего в кабинете Карпа. Тот взял предложенный ему лэптоп. Подписал соглашение о предварительной оплате адвокатских услуг. И вот теперь разговаривал с Бобби Соломоном. Новый адвокат. Соломон рассказывал этому адвокату историю своей жизни. Явно пытаюсь надурить его. Разжалобить.

Кейн поплотней прижал наушники к голове и прислушался.

Флинн. Вот как звали адвоката.

Новый игрок. Кейн решил, что вечером надо будет познакомиться с этим Флинном поближе. В данный момент у него не было на это времени. Он достал свой телефон – дешевую одноразовую мобилу, – вызвал из памяти аппарата единственный сохраненный в нем номер и ткнул в зеленую кнопку.

На звонок ответил знакомый голос.

– Я работаю. Давайте-ка попозже.

Голос этот был низким, звучным. В нем явственно слышались властные нотки.

– Попозже не выйдет. Я тоже работаю. Мне нужно, чтобы сегодня вечером ты проследил за полицейским радиообменом. Я подумываю навестить одного человечка и не хочу, чтобы меня побеспокоили, – сказал Кейн.

Он внимательно прислушивался к речи собеседника, выискивая любые намеки на сопротивление или неохоту. Оба хорошо знали, что именно представляют собой их отношения. Они – не равноправные партнеры и не слаженный коллектив. Власть в этих отношениях принадлежала Кейну. Так было всегда, и так всегда и будет.

Абонент на миг примолк. Даже такая небольшая задержка вызвала у Кейна раздражение.

– Нужны еще какие-то объяснения? – спросил он.

– Нет, не нужны. Я этим займусь. Куда вы планируете выдвинуться? – спросил голос.

– Пока не знаю, точный адрес потом сброшу эсэмэской, – сказал Кейн и сразу отключился.

Он был осторожен. На каждом шагу взвешивал возможные риски. Тем не менее, иногда жизнь подбрасывала Кейну всякие непредвиденности – вроде полицейских постов по пути к месту назначения. В большинстве случаев он мог справиться и сам, но иногда ему требовалась помощь кого-то, кто мог получить доступ к базам данных или нарыть информацию, недоступную большинству обычных граждан. Такие люди всегда были полезны, и этот человек неплохо себя зарекомендовал.

Они не были друзьями. Кейн и этот человек были далеки от такого рода отношений. Когда они разговаривали, его собеседник делал вид, будто полностью разделяет убеждения Кейна, и выказывал преданность его миссии. Кейн знал, что все это не так. Этого человека не заботила идеология Кейна, интересовали лишь его методы – простой акт убийства и все удовольствия, которые с ним связаны.

«Я не хочу, чтобы между нами были какие-то секреты. Это касается и вас, Руди...» – произнес Соломон. Через микрофон эти слова донеслись четко и ясно. Убрав мобильник, Кейн вновь сосредоточился на конференц-зале. Карп расположился спиной к окну, лица его не было видно. Флинн сидел справа от руководителя фирмы, но тоже отвернулся от окна, глядя в сторону Бобби Соломона. Напряженно подавшись вперед, Кейн прислушался.

Глава 9

Нет такого понятия, как плохое дело. Бывают только плохие клиенты. Судья Гарри Форд, мой наставник, давным-давно меня этому научил. Время доказало его правоту. Причем не раз и не два. Сидя в кожаном кресле рядом с Бобби Соломоном, я вспомнил совет Гарри.

– В тот вечер, когда убили Ариэллу, мы с ней поссорились. Вот почему я ушел из дома и напился. Я... я просто хотел, чтобы вы это знали. На случай, если это выплывет. Мы поссорились, но, упаси Господь, я ее не убивал. Я любил ее, – сказал Бобби.

– Из-за чего вышла ссора? – спросил я.

– Ари хотела, чтобы я подписал контракт на второй сезон «Соломоновых островов», нашего реалити-шоу. А меня уже достало, что повсюду за нами таскаются люди с камерами, это уже было для меня... просто чересчур. Понимаете меня? Я не мог на такое пойти. Вот мы и поцапались. Не физически – такого вообще никогда не случалось. Я никогда и пальцем ее не тронул бы. Но шуму было много, и она здорово разозлилась. Я сказал ей, что не стану продлевать контракт. А потом ушел, – сказал Бобби.

Он откинулся на спинку кресла, шумно выдохнул, надув щеки, и положил обе руки себе на макушку. Вид у него был как у человека, только что снявшего с души какой-то тяжелый груз. А потом на глаза Бобби навернулись слезы. Я внимательно изучал его. Выражение его лица говорило лишь об одном – о чувстве вины. Вины за то, что так резко обошелся с женой прямо перед ее смертью, или за что-то еще – судить было трудно.

Руди встал, раскинул руки и жестом предложил Бобби обнять его.

Оба мужчины обнялись. Я слышал, как Руди шепчет:

– Я понимаю, все понимаю. Ну ладно уже... Да не переживайте вы так... Я рад, что вы мне это сказали. Все будет хорошо.

Когда они наконец отпустили друг друга, я увидел блестящие от слез глаза Бобби. Шмыгнув носом, актер смахнул слезы с лица.

– Ладно, по-моему, это все, что у меня было сказать. На сегодня, – произнес Бобби, после чего посмотрел на меня сверху вниз и протянул руку. – Спасибо, что выслушали. И простите, что я так расчувствовался. Понимаете, я и вправду в полной заднице. И очень рад, что вы готовы мне помочь.

Я встал, чтобы пожать ему руку. На сей раз рукопожатие оказалось на удивление крепким. Я чутка затянул его, чтобы получше рассмотреть Бобби вблизи. Он все еще склонял голову к полу. Чувствовалось, как нервно подрагивает его рука. Несмотря на телохранителей, модную одежду, маникюр и деньги, Бобби Соломон был сейчас напуганным ребенком, над которым нависла перспектива пожизненного заключения. Он мне понравился. Я поверил ему. И все же оставалась тоненькая ниточка сомнения. Может, все это было лишь притворством, чтобы убедить меня вписаться. У парня был актерский талант – в этом не было никаких сомнений. Но достаточно ли у него таланта, чтобы одурачить меня?

– Обещаю сделать все, что в моих силах, – заверил я.

Он положил левую руку мне на запястье, а правой крепко сжал мою ладонь и произнес:

– Спасибо. Это все, о чем я могу просить.

– Спасибо, Бобби, – сказал Руди. – На сегодня хватит. Увидимся утром в суде на слушании по отбору присяжных. Машина будет у вашего отеля в восемь пятнадцать. Так что попробуйте хотя бы немного поспать.

После этих слов Бобби помахал нам и вышел из кабинета, сразу оказавшись в плотном кольце телохранителей – они не хотели рисковать. Здоровяки в длинных кашемировых пальто повели его к выходу.

Я повернулся к Руди. Мы вновь уселись.

– Итак, давно ли вам известно, что у Бобби с Ариэллой вышла ссора из-за этого реалити-шоу? – спросил я.

– С самого начала, – отозвался Руди. – Я предполагал, что клиент когда-нибудь да расколется. Похоже, ты произвел на Бобби сильное впечатление. Он сразу же открылся тебе.

Кивнув, я сказал:

– Вы тоже хорошо подыграли. Пускай он почувствует, будто снял камень с души. Это повысит его уверенность в себе.

Тут лицо Руди помрачнело, и он уставился на свои сцепленные перед собой пальцы, после чего поднял голову, взял со стола лэптоп и протянул его мне.

– Улики против Бобби неопровержимы. Но шанс все-таки есть. Ничтожный шанс. И я сделаю все возможное, чтобы склонить чашу весов в нашу сторону. Глянь вечером на аргументы обвинения. Сразу поймешь, с чем мы столкнулись.

Взяв у него лэптоп, я открыл его.

– Нужно что-то совсем уж экстраординарное, чтобы хладнокровно убить двух человек... Особенно собственную жену и человека, которого хорошо знаешь. Очень редко случается, чтобы кто-то, не замеченный ранее в склонности к насилию, так вот вдруг съехал с катушек. Не было ли у Бобби в прошлом каких-то психологических проблем? Если в его медкартах нет ничего насильственного, то, пожалуй, стоит предъявить их обвинению в качестве документального доказательства, – предложил я.

– Медкарты мы предъявлять не будем, – категорически отрезал Руди. Потом нажал кнопку настольного телефона и произнес: – Мне нужен безопасный транспорт.

В голосе у него я уловил что-то странное. Либо ему пришлось не по вкусу мои взгляды на эту сторону дела, либо он что-то скрывал. В чем бы ни была причина, я предположил, что это не слишком важно, иначе обвинение уже нашло бы эти медкарты и использовало в своих интересах. Я не стал развивать эту тему – пока

что.

Лэптоп запросил пароль. Руди написал что-то на листочке для заметок и протянул его мне.

– Вот пароль. И мы хотим убедиться в том, что ты благополучно вернешься с этим компом в наш офис. Поэтому я попрошу кого-нибудь из нашей службы безопасности проводить тебя, если ты не против.

Я сразу подумал о морозце на улице и о том, как собираюсь добираться до собственного офиса.

– Этот парень из службы безопасности – на машине? – спросил я.

– Ну конечно же.

Я глянул на листок. Пароль оказался «НеВиновен1». Закрыв крышку компьютера, я встал и пожал руку Руди.

– Рад, что теперь ты официально в нашей команде, – сказал он.

– Я предупреждал, что сначала изучу материалы по делу, а уже потом приму решение, – напомнил я.

Руди покачал головой.

– Нет. Ты сказал Бобби, что поможешь ему. Пообещал сделать все, что в твоих силах. Так что ты в деле. Ты ведь веришь ему, насколько я понимаю?

Похоже, не было особого смысла это скрывать.

– Пожалуй, что да.

«Но тебе уже приходилось ошибаться», – подумал я.

– Ты в точности такой же, как я. Всегда можешь сказать, когда у тебя на руках невинный клиент. Ты просто чувствуешь это. Никогда еще не встречал людей, которые на это способны. До сегодняшнего вечера, – сказал Руди.

– Я не Бобби Соломон, Руди. Вам нет нужды целовать меня в задницу. Я знаю, что вы притащили его сюда, потому что хотели, чтобы я с ним лично познакомился. Хотели, чтобы я посмотрел ему в глаза. Испытал его. И сразу согласился. Вы знали, что я ему поверю. Вы развели меня. И хотя я не думаю, что он убийца, но не могу быть уверен, что он не разводит нас обоих.

Руди поднял руки.

– Виновен по всем пунктам обвинения! Но это не меняет того факта, что сценарий у нас просто кошмарный – невинного человека обвиняют в страшном преступлении. Да, он умеет играть. Но одним актерством от двойного убийства не отмажешься.

Двери кабинета открылись. Мужику, вошедшему в комнату, пришлось распахнуть обе двери одновременно, но все равно он был вынужден протискиваться сквозь них боком. Роста он был вроде как моего. Лысый. Широкий, как этот чертов стол для совещаний. Черные брюки и черная куртка, застегнутая на все пуговицы. Мужик скрестил руки на груди. По моим прикидкам, постарше меня лет на пять или шесть, и явно боец. Выступающие костяшки здоровенных кулаков – что твои шарики жевательной резинки.

– Это Холтен. Он проследит за тем, чтобы лэптоп и ты сам были в полной безопасности, – сказал Руди, после чего низко наклонился, достал из-под стола алюминиевый чемоданчик вроде «дипломата» и поставил перед собой.

Холтен подошел ближе, мы обменялись вежливыми приветствиями, и он сразу перешел к делу. Отстегнул защелки, поднял крышку и уложил лэптоп в отформованное внутри углубление. Потом закрыл чемоданчик, запер его и достал из кармана пиджака пару наручников с очень длинной цепочкой. Прицепил ими чемоданчик к своему запястью за ручку, поднял его и коротко бросил:

– Поехали.

Поблагодарив Руди, я совсем уже собрался выйти за дверь вслед за Холтеном, когда Руди дал мне последний совет:

– Когда будешь читать материалы, помни о том, что здесь сегодня произошло. Помни, что ты почувствовал. Помни, что понял: этот молодой человек невиновен. Мы должны сделать так, чтобы он остался таким и с точки зрения присяжных.

Глава 10

Услышав признание Роберта Соломона, Кейн сразу отключил связь с подслушивающим устройством. Заперев универсал, пересел в серый седан «Форд». Стоял тот передком к выезду с парковки. С этой выгодной позиции сидящему за рулем Кейну было хорошо виден достаточно большой участок улицы внизу, чтобы углядеть большой черный внедорожник «Адвокатского бюро Карпа» при его появлении.

Двигатель «Форда» коротко взревел.

Не отрывая глаз от улицы впереди, Кейн перегнулся через пассажирское сиденье и открыл бардачок. Достал из него «Кольт» сорок пятого калибра и вынул магазин. Пальцы нащупали вставленные в него патроны. По салону машины разнесся негромкий щелчок, когда магазин встал на место. Еще один металлический щелчок возвестил, что патрон в стволе.

Мимо выезда впереди по улице прокатил красный «Корвет».

«Кольт» теперь пристроился во внутреннем кармане пиджака Кейна. Часы показывали семь пятнадцать.

«С минуты на минуту», – подумал Кейн, натягивая пару плотно облегающих кожаных перчаток.

Ему нравился запах кожи. Тот напоминал ему о женщине, которую он когда-то знал. Она постоянно носила черную кожаную байкерскую куртку, белую футболку и синие джинсы. Кейну припомнились тугие завитки ее черных волос,

ее бледная кожа; то, как она фыркала, когда смеялась, вкус ее губ... Но больше всего ему запомнилась эта байкерская куртка. Этот всепоглощающий запах. И то, как кровь задержалась на поверхности черной кожи, прежде чем начать постепенно впитываться, как будто куртка долго и неспешно пила ее.

Кейн покрепче взялся за руль, прислушиваясь к скрипу кожи о кожу – перчаток о рулевое колесо.

Он представил себе звуки, исходящие от байкерской куртки девушки, когда она размахивала руками, делая жалкие попытки отбиться от него. Она не кричала. Даже ни разу не крикнула. Рот ее открылся, но из горла не вырвалось ни звука. Лишь позвякивал язычок замочка «молнии», да поскрипывала кожа, хлещущая о кожу, пока она, вскинув руки, пыталась оттолкнуть его. Кейну эти звуки показались не громче шепота.

Вдруг – повизгивание шин по крашеному гладкому бетону. Мазнувший по стенам свет фар. Кейн глянул в сторону звука и огня и увидел какой-то пикап, спускающийся по пандусу с этажа выше. Совсем ни к чему, чтобы тот загородил ему обзор. Тронув машину, Кейн покатил к выезду. Остановился. Камера считала его номерной знак. Шлагбаум начал подниматься, и Кейн вновь придавил педаль газа.

Когда нос «Форда» уже практически высунулся на улицу, мимо проехал черный внедорожник, остановившийся у здания «Конде Наст». Кейн перевел взгляд вправо. Потом влево. Дорога была свободна. Он выехал как можно медленней, не привлекая к себе внимания. Вполне можно было проехать мимо припаркованного внедорожника, но Кейну этого не требовалось. Подкатив к нему сзади, он, к своему облегчению, увидел, как Флинн и какой-то громила из службы безопасности адвокатской фирмы выходят из здания и направляются к машине. Изучая эту пару, Кейн почувствовал, что адвокат представляет собой такую же физическую угрозу, как и охранник. Было слишком темно, чтобы разглядеть их лица, но он видел, как они двигались. Бобби охраняло так много народу, что трудно было сказать, кто конкретно это был, – все они выглядели практически одинаково. Одно и то же телосложение, одна и та же походка... Этот охранник был приземистым, широким, мускулистым и двигался скованно. Флинн же скорее двигался как танцор. Или боксер. Уверенно. Демонстрируя хорошее чувство равновесия. Был он высоким, подтянутым. Явно немало тренировался, когда был помоложе. Держался как боец.

У охранника был один из знакомых чемоданчиков. Кейс для ноутбука. Фирма была очень осторожна в отношении безопасности своих переносных компьютеров. Доступ – только при наличии одного из индивидуальных паролей, которые ежедневно менялись. Впрочем, при наличии времени скорее всего удалось бы взломать такой ноутбук, но для начала требовалось заполучить его в руки. Без ведома фирмы. У Кейна были свои способы проникнуть в здание, где располагалось «Адвокатское бюро Карпа», имелись и кое-какие необходимые контакты. Однако никто не мог оставить его наедине с таким вот адвокатским ноутбуком достаточно надолго, не вызвав подозрений. И вынести его из офиса тоже было нереально, поскольку камеры слежения торчали тут буквально на каждом углу. А один из таких ноутбуков ему требовался позарез. В них содержались материалы по делу Роберта Соломона.

От мысли о том, что выпал шанс завладеть этими материалами, у Кейна даже мурашки пробежали по коже. Волоски на затылке встали дыбом. Он испустил прерывистый вздох. Адвокат и охранник забрались в машину, которая сразу же отъехала от тротуара.

Кейн отпустил сцепление и последовал за ней.

В этой части Манхэттена в такое время движение было плотным, все еле ползло. Подобный темп вполне устраивал Кейна. Ему очень требовался этот чемоданчик.

Справа от рулевого колеса торчал из держателя смартфон – разумеется, незарегистрированный. Зайдя в «Гугл», Кейн забил в поисковую строку: «Эдди Флинн, адвокат». К его удивлению, все верхние ссылки оказались на всякие новостные статьи с прошлыми делами Флинна. Просматривая их, Кейн понял, что в зале суда Флинн представляет собой большую угрозу. Этот человек был опасен. Он быстро просмотрел еще несколько открытых вкладок, содержавших, похоже, все те же тексты, либо тупо скопированные, либо слегка переименованные различными блогерами и новостными сайтами. Собственного веб-сайта у фирмы Эдди Флинна не имелось. Единственное, что Кейну удалось нарыть, – это адрес и номер телефона на сайте «Желтых страниц».

И впрямь – двадцать минут спустя внедорожник подкатил к тротуару возле дома на Западной Сорок шестой улице. По тому же адресу, который Кейн нашел в интернете. Заехав на свободное место у левого тротуара, он заглушил мотор. Достав свой телефон из держателя, засунул его в карман куртки, вышел из машины и открыл багажник – для начала оглядевшись, чтобы убедиться, что на

улице за спиной у него больше никого нет. Все было чисто. Под одеялом в багажнике обнаружился набор кухонных ножей, изготовленных по спецзаказу. Кейн выбрал тонкий нож для разделки филе и мясницкий косарь, оба – в кожаных защитных чехлах. Рядом с одеялом лежал наготове открытый рюкзак. Упрятав в него оба ножа, Кейн застегнул его и закинул за спину. Когда оба мужчины будут мертвы, останется как-то заполучить чемоданчик. Еще много лет назад он понял, что самый простой и быстрый способ отделить конечность больше связан с искусством разделки и знанием анатомии, нежели с грубой силой. Если просто попытаться отсечь руку увесистым косарем, наверняка потребуется от пяти до десяти ударов. Большая часть силы этих ударов будет поглощена мышцами и сухожилиями запястья. Займет это порядка тридцати секунд. Вместо этого Кейн планировал потратить пять секунд на то, чтобы провести филейным ножом вокруг сустава запястья, обнажив кость. Один удар трехфунтового тесака довершит начатое. Расчетное время – пятнадцать-семнадцать секунд.

Пониже опустив на лицо козырек бейсболки, он закрыл багажник и двинулся через улицу.

Охранник с чемоданчиком, прикованным наручниками к запястью, уже вышел из машины и, стоя на тротуаре спиной к Кейну, протягивал руку, чтобы открыть заднюю пассажирскую дверцу. Свет ближайшего уличного фонаря проникал недостаточно далеко, чтобы Кейн мог как следует его разглядеть. От цели его отделяло примерно пятьдесят футов. Наконец задняя дверца внедорожника распахнулась, и из машины выбрался Флинн. Кейн узнал его по манере двигаться. Засунув правую руку в карман куртки, он взялся за рукоятку пистолета и слегка придавил спусковой крючок.

Сорок футов. А Флинн тем временем расстегивал пальто, готовый подняться на крыльцо перед входом в здание.

Вдруг Кейн услышал, как где-то совсем рядом с ним хлопнула дверца машины, и сразу напрягся. Пожилой чернокожий мужчина в темно-синем костюме обошел капот приземистого темно-зеленого автомобиля с откидным верхом и ступил на тротуар всего в нескольких футах перед Кейном, освещенный тусклым светом уличного фонаря. Двигался он в том же направлении, направляясь к офису Флинна. Лица его не было видно – лишь седые волосы на затылке.

Кейн совсем уже собрался вытащить ствол и оттолкнуть мужчину с дороги, когда тот поднял руку и крикнул:

- Эй, Эдди!

Флинн повернулся в сторону Кейна. Охранник тоже. Оба мужчины уже стояли на крыльце. Кейн опустил голову. Из-под козырька бейсболки ему были по-прежнему видны их ноги и плечи, но только не лица. Он не хотел рисковать, вступая в зрительный контакт. Последнее, что ему было нужно, так это чтобы его узнали. Едва повернувшись, охранник распахнул пальто и ухватился за рукоять пистолета на поясе. И он, и Флинн оба располагались лицом к Кейну.

Фактор неожиданности был утерян. Если б Кейн вытащил ствол, это все сразу бы увидели. В таком случае, учитывая среднестатистическое время человеческой реакции, охранник успел бы выстрелить по меньшей мере дважды. Именно он должен был стать первой мишенью.

Высокие ботинки Кейна мерно постукивали по плитам тротуара. Сердце же его билось в куда более быстром ритме. Кровь громко стучала в ушах. Он уже едва ли не чувствовал на вкус едкий дымок, оставшийся в воздухе после выстрелов. Восхитительный холодок пробежал по его спине. Вот оно. Это было то, ради чего Кейн и жил – будоражащее чувство предвкушения. Выдохнув, одним плавным движением он поднял локоть и быстро выдернул правую руку из внутреннего кармана куртки.

Глава 11

Я сделал уже третий шаг ко входу в свое здание, когда услышал, как кто-то зовет меня по имени с улицы. Сразу почувствовал, как напрягся Холтен. По дороге он со мной практически не разговаривал – единственно, спросил, удобно ли мне. На все мои попытка завязать ни к чему не обязывающую беседу отвечал вежливо, но односложно. «Ну и как служится под началом Руди Карпа?» – «Да, работать с ним легко, но формально он мне не начальник, мы сотрудничаем с ним по договору». – «А давно сотрудничаете?» – «Ага». – «Любите бейсбол?» – «Нет». – «Футбол?» – «Нет». В конце концов я сдался, решив, что он смотрит на дорогу и не стоит его отвлекать. Стоя на ступеньках, ведущих к моей входной

двери, я был удивлен, насколько быстро он среагировал. Хотя на самом-то деле вроде ничего такого не сделал. Просто изготовился. Сразу ко всему. Я повернулся в ту сторону, откуда меня позвали, и увидел судью Гарри Форда, машущего мне с тротуара. Его старый классический кабриолет был припаркован чуть дальше по улице.

Я уже собрался помахать Гарри в ответ, когда увидел позади него какого-то мужика. В бейсболке, низко надвинутой на лоб. В тусклом свете уличных фонарей лица его я не разглядел – оно было почти полностью прикрыто длинным козырьком. Хотя в тот момент лицо его меня особо не интересовало. Больше беспокоила его правая рука, засунутая во внутренний карман куртки, как будто готовая в любую секунду выхватить ствол.

Краем глаза я заметил, что Холтен тоже засек этого парня и положил ладонь на свой пистолет, висящий на поясе. У меня пересохло во рту, и я поймал себя на том, что не могу глубоко вдохнуть. Тело словно застыло. Какие бы основные первобытные инстинкты ни сохранились во мне, все мое внимание сосредоточилось на приближающемся человеке с рукой во внутреннем кармане куртки. Тело в тот момент не нуждалось ни в каких отвлекающих факторах вроде дыхания или размышлений. Каждая мышца и нервное окончание сразу же пришли в состояние повышенной готовности. Вся энергия, которую потребляло мое тело, теперь полностью перенаправилась, переключившись на режим выживания. Я словно прирос к месту. Если б эта рука вынырнула из-под куртки, сжимая пистолет, я был готов моментально броситься на землю.

Еще больше похолодало. Я видел, что на тротуаре образовался свежий ледок, блестящий в свете натриевых фонарей, словно дробленый хрусталь.

Поравнявшись с Гарри, непонятный мужик выдернул правую руку из кармана и вытянул ее перед собой, направив в нашу сторону. В ней было что-то блестящее, черное. Я услышал, как глухо хлопнула крышка кожаной кобуры Холтена, когда он выхватил из нее пистолет. Как будто сработал какой-то внутренний переключатель – резко набрав полную грудь воздуха, я упал на колени и прикрыл голову руками.

Тишина. Никаких выстрелов. Никаких дульных вспышек. Никаких пуль, бьющих в кирпичи у меня над головой. Я почувствовал, как здоровенная ручища хлопывает меня по плечу.

- Все в порядке, - произнес Холтен.

Я поднял взгляд. Гарри уже стоял рядом с тем парнем в бейсболке - оба уставились на сотовый телефон, который тот держал в руке. Гарри сначала указал на мобильник, а затем куда-то в западный конец Сорок шестой улицы. Мужчина кивнул, что-то сказал Гарри и поднял смартфон повыше. Даже с такого расстояния я углядел на его большом экране нечто вроде карты. Мужик в бейсболке прошел мимо моего дома, направляясь на запад.

- Господи, Холтен... Эдак меня кондрашка хватит, - выдавил я.

- Простите, - сказал он. - Приходится соблюдать осторожность.

- Эдди, да ты чего? - удивленно спросил Гарри.

Я встал, отряхнул пальто и перегнулся через перила крыльца.

- Соблюдаю осторожность - не видишь, что ли? Чего хотел этот парень?

- Просто турист. Хотел узнать дорогу, - отозвался Гарри.

Я оглянулся через плечо. Парень продолжал идти своей дорогой, держа перед собой смартфон. Видел я только сияющий в полутьме экран и его спину. Я посмотрел, как он удаляется, после чего опять повернулся к Гарри.

- Мы думали, что у этого парня ствол. По тому, как он к нам ломанулся. Типа как целенаправленно. Никогда его раньше не встречал? - сказал я.

- Не знаю... Я толком-то и не видел его лица из-за кепки. А если б даже и видел, все равно без разницы, когда я без очков, - ответил Гарри.

- Как ты вообще досюда доехал? - спросил я.

- Соблюдая осторожность, - сказал Гарри.

* * *

Подхватив один из деревянных стульев, Холтен вышел из моего кабинета и поставил его рядом с входной дверью, прямо на лестничной площадке. Потом вернулся и еще раз оглядел мои владения. Гарри поглядывал на него с дивана с безразличием человека, держащего в руке стакан отличного скотча и сознающего, насколько этот скотч и вправду хорош.

– Вроде ничего вам здесь не грозит, мистер Флинн. Я буду снаружи. А утром распорядюсь, чтобы к вам в офис привезли сейф. Лэптоп должен храниться в этом сейфе, когда вас нет дома. Вас это устраивает? – спросил Холтен.

– Вы хотите сказать, что собираетесь всю ночь сидеть за дверью моего офиса?

– Да, план таков.

– Ну, наверное, вы заметили кровать в задней комнате. У меня нет квартиры. Я сплю здесь. И, скорее всего, буду работать всю ночь, так что не переживайте на этот счет. Двигайте туда и слегка вздремните. Все со мной будет в порядке.

– Если вам без разницы, я все-таки побуду снаружи.

– Еще есть диван. Если вы задумали остаться, то можете и тут кости бросить. Всяко удобней.

Он кинул взгляд на диван. Пару лет назад Гарри рухнул на него всем своим немалым весом прямо посередине, сломав несколько пружин. Так что обивка там с тех пор заметно просела. Как постоянное напоминание о той ночи. И хоть всякий раз, приходя сюда, Гарри садится на дальний конец дивана, уцелевшие пружины заставляют его заваливаться вбок, отчего кажется, что он в любой момент свалится в это углубление, похожее на окруженную горами долину. Судя по всему, Холтен счел, что на жестком деревянном стуле ему будет все-таки удобней.

– От меня не слишком-то много толку как от охранника, когда я дрыхну на диване, а кто-то ломится в вашу дверь за лэптопом. Я буду снаружи. Договорились?

Я посмотрел на лежащий на столе чемоданчик, к ручке которого все еще были прицеплены наручники на длинной цепочке, и отозвался:

– Ладно, договорились.

– Тогда я оставляю вас, джентльмены, – объявил Холтен, закрывая за собой дверь кабинета.

– Упорный малый, – заметил Гарри.

– У него вообще всего в избытке. Хотя он мне по-любому нравится. Сразу видать, что профессионал, – сказал я.

– Так чего же в этом ноутбуке такого, что надо над ним так трястись? – спросил Гарри.

– Я мог бы рассказать тебе, но ты ведь сегодня все равно наклюкаешься и ни фиги не запомнишь, так что давай лучше завтра, о'кей?

– Вот за это и выпьем, – сказал Гарри.

Я налил себе на два пальца скотча и сел за свой стол. Всего один глоточек. Чтобы снять напряжение. Для ознакомления с материалами дела требовалась ясная голова. А пока можно было хотя бы чуток расслабиться. Торшер в углу и настольная лампа с зеленым стеклянным абажуром заливали мой маленький кабинет теплым неярким светом. Откинувшись на спинку стула, я закинул одну ногу на стол и поднес стакан к губам. Теперь я вполне уже мог время от времени слегка поддать с Гарри. Научился наконец держать себя в руках, хотя времени на это ушло порядком. Как раз Гарри мне в этом и помог.

Если б не он, я вообще не стал бы адвокатом. Несколько лет назад на меня подали в суд, как на виновника ДТП, и я предпочел выступить в роли собственного защитника – моя страховая афера пошла не по плану. Судьей был Гарри. Я переспорил адвоката другого парня, выиграл дело, а Гарри потом встретился со мной. Сказал, что мне стоит подумать о карьере защитника. И впрямь – поработав клерком у Гарри, вскоре я сдал экзамен на адвоката. Он подарил мне новую жизнь, свободную от эков и уличных «разводов». Теперь я

развожу людей исключительно в зале суда.

– Как твои? – спросил Гарри.

– Эми быстро взрослеет. Я скучаю по ней. Хотя вроде все понемногу налаживается, не знаю. Кристина недавно звонила, пригласила на ужин, – сказал я.

– Да это же просто здорово! – оживился Гарри. – Думаешь, все-таки опять помириться?

– Не знаю. Кристина и Эми теперь живут в Риверхеде. Такое чувство, что их жизнь идет своим чередом, без меня. Мне нужна такая работа, при которой не придется каждую секунду подставлять башку под топор. Что-нибудь стабильное, что-нибудь скучное, что не доставит неприятностей ни мне, ни кому-либо еще. Это то, чего хочет Кристина. Нормальной жизни.

Даже произнося эти слова, я не был окончательно уверен, что это по-прежнему так. Стабильный, безопасный дом – это то, чего мы всегда хотели. Моя работа мешала этому, но теперь я уже сомневался, что Кристина вообще по-прежнему хочет, чтобы я был частью ее жизни. Что-то нас разделяло. И я очень надеялся, что приглашение на ужин станет моим шансом опять сблизиться с ней.

Отхлебнув виски, Гарри почесал в голове.

– О чем задумался? – спросил я.

– Да про этот чемоданчик... И про этого борца сумо, который сидит сейчас у тебя на лестничной площадке. Вот о чем. Если ты ищешь занятие поспокойней, то явно не из этой оперы. И попробуй сказать мне, что не вляпался в очередную поганку.

– Никуда я не вляпался.

– Почему-то мне кажется, что это далеко не вся история, – заметил Гарри.

Покрутив янтарную жидкость в стакане, я поднес его к свету. Сделал еще глоток и поставил стакан на стол.

– Сегодня я познакомился с Руди Карпом. Он нанял меня в качестве еще одного члена команды защиты Роберта Соломона.

Гарри встал. Махом проглотил остатки скотча и поставил пустой стакан рядом с моим.

– В таком случае я должен уйти, – объявил он.

– С чего это вдруг?

Гарри вздохнул, засунул руки в карманы брюк и уставился в пол.

– Насколько я понимаю, вы познакомились лишь сегодня днем. И до этого Руди Карп к тебе не обращался. Ни по «мылу» не писал, ни по телефону не звонил. Я прав?

– Верно. А как ты узнал?

– Руди сказал тебе, почему нанял именно тебя?

– Я вроде как и сам допер. Я – расходный материал. Моя задача – задать перцу копам. Если присяжным это не понравится, команда защиты откажется от меня, и все сделают вид, будто ничего такого и не было. Я – буфер между Руди и присяжными. Он должен сохранить свою репутацию в глазах членов жюри, если этот сценарий не прокатит. Схема не слишком-то для меня выгодная, но я хочу помочь этому парню – Бобби. Да, я знаю, что он кинозвезда и все такое, но он мне нравится. И я думаю, что он невиновен.

– А я думаю, что Руди требовалась история, на которую ты бы купился. В каком-то смысле это выглядит более убедительно, если ты сам считаешь, что схема не слишком-то для тебя выгодная. Это как раз и объясняет, почему они наняли тебя всего за день до отбора присяжных.

Тут настала уже моя очередь насторожиться. Я сел прямо и полностью сосредоточился на Гарри.

– Гарри, заканчивай ходить вокруг да около. Выкладывай.

– В пятницу мне звонила судья Коллинз. Сказала, что чувствует себя как-то странно. Меня это не удивило. В течение всего последнего года она только тем и занималась, что подготовкой судебного процесса по делу Соломона. Уже было с десятков слушаний по доказательной базе, рассмотрений ходатайств о закрытии дела, чего только ни хочешь. Две недели назад она переехала в отель, чтобы иметь пространство и спокойную обстановку для работы. Ровена Коллинз, при всех ее недостатках, – это судья, которая не против тяжелой работы. Во всяком случае, я подумал, что это просто стресс. Подобное дело всегда берет свое.

Гарри замолчал, глубоко задумавшись. Я ничего не ответил, зная, что остальное он скажет мне, когда соберется с мыслями.

– А в субботу утром мне позвонили из больницы. Накануне вечером Ровена вдруг потеряла сознание, вскоре после нашего разговора. Если б ей в номер регулярно не доставляли еду и напитки, она вполне могла бы помереть. Помощник официанта нашел ее на полу. Она едва дышала. Слава богу, хоть кто-то нашел ее. Медики со «скорой» буквально спасли ей жизнь. С ней случился какого-то рода сердечный приступ, и сейчас она в реанимации. Состояние тяжелое, но стабильное. Я виделся с ней сегодня. Выглядит она неважнецки. А это, помимо всего прочего, поставило под угрозу суд над Соломоном. Я не нашел никого, кто был бы готов отказаться от собственных дел на две недели, так что пришлось вписаться самому. Теперь я – судья по делу Соломона.

Глава 12

Гарри ушел от меня злой как черт. Он просто терпеть не может, когда адвокаты пытаются надурить систему. Как следует обдумав ситуацию, Гарри пришел к заключению, что Руди Карп собирается поставить под сомнение его беспристрастность как судьи. Вообще-то нет никаких проблем в том, что адвокаты и судьи дружат между собой. Судьи не отказываются от своих приятелей-адвокатов, едва только тех назначают в качестве защитников по тому

же делу. Адвокаты и судьи поддерживают дружеские отношения за пределами зала суда, равно как и некоторые прокурорские – с адвокатами защиты. Но, назначенные на одно и то же слушание, играют по правилам. Так уж принято. Если они оказываются по разные стороны баррикад, эти отношения на время рассмотрения дела как бы приостанавливаются. Являясь членом команды защиты Бобби Соломона, я не имел права выпивать или даже просто по-приятельски общаться с Гарри. И это было то, что задело его больше всего.

Вынув из чемоданчика лэптоп, я включил его и позвонил Руди Карпу.

– Эдди, ну не мог же ты уже прочесть все дело от корки до корки? – удивился Руди.

– Я еще даже не открывал его. Просто сижу тут выпиваю со своим давним приятелем Гарри Фордом...

Тишина.

Я ждал, пока Руди что-нибудь скажет. И единственное, что слышал, это его дыхание в трубке. Некая часть меня хотела, чтобы он просто во всем признался. Другая же часть – чтобы он молчал и немного подергался, как уж на сковородке.

– Руди, мне, наверное, стоит уволиться.

– Нет, нет, нет, нет! Не уходи. Послушай, я просто должен был как-то подключить тебя к этому делу. И ты отличный адвокат, Эдди. Мы бы не взяли тебя с прицелом на это слушание, если б не считали, что ты реально хорош.

– Как я теперь могу верить всему, что вы говорите?

– Послушай: то, что я тебе сказал – чистая правда. Нам нужен кто-то, кто задаст жару копам. Ты можешь отлично управиться с этой стороной дела. Ты уже не раз это успешно проделывал. А если вдруг промахнешься и врежешься в стену, мы тебя по-любому уволим, чтобы сохранить лицо перед присяжными. Если вы с судьей дружки не разлей вода... что ж, тогда, наверное, он будет не столь склонен чморить нас за то, что ты способен устроить. Это не слишком-то хорошо отразилось бы на его приятеле Эдди Флинне, так ведь?

Умно... В этом городе полным-полно хороших адвокатов. И достаточно много людей с большим опытом поджаривания копов на раскаленной сковородке. А вот дружков Гарри Форда – раз-два и обчелся.

– Если вы думаете, что из-за меня Гарри отнесется к вашему клиенту более снисходительно, то ошибаетесь.

– Не переживай, я не ставлю под сомнение моральные устои судьи. И не рассчитываю на его предвзятость в нашу пользу. Считай, что я этого не говорил, но эта стратегия довольно рискованна. Просто если присяжные на нее не купятся, судья Форд не допустит, чтобы это плохо сказалось на нашем клиенте или на тебе. Это все, что я хочу сказать. Это не делает его предвзятым, это делает его справедливым.

Настал уже мой черед прикусить язык. Я только что хотел сказать Руди, что отказываюсь от дела. Что сейчас отправлю лэптоп обратно вместе с Холтенем. На экране по-прежнему маячило окошко для ввода пароля. Размышляя, что бы сказать, я набрал «НеВиновен1», и заставка изменилась. Передо мной возникла уже знакомая мне физиономия Бобби Соломона. Они с Ариэлкой в рождественских свитерах стояли в своем особняке перед наряженной елкой. Фото изображало двух молодых людей, явно любящих друг друга. Они держались за руки и смотрели друг на друга. В их взглядах было обещание. Обещание, данное друг другу. Если я уйду, то подведу Бобби. По причинам, не имеющим к нему абсолютно никакого отношения.

– Мне не нравится, когда меня используют. Если вы хотите, чтобы я занимался этим делом, то теперь это обойдется вам подороже.

– Я понимаю, как это может тебя разозлить, но бюджет у нас все-таки ограниченный. Хотя, пожалуй, все-таки можно малость увеличить сумму – дабы, так сказать, слегка подсластить пилюлю. Чтоб не было потом никаких обид. Как насчет дополнительных двадцати пяти процентов?

– А как насчет партнерства в «Адвокатском бюро Карпа»? Должности младшего партнера, к примеру. Со всем причитающимся. И правом самому выбирать дела. Мне не нужна еще одна охапка денег, чтобы прожить еще шесть месяцев. Все, что мне требуется, так это постоянная работа, при которой не придется всякий раз совать голову в пекло.

– Серьезные запросы, – заметил Руди.

– Так и дело-то серьезное, – сказал я.

Карп сделал паузу. Я слышал, как он что-то бормочет, обдумывая мое предложение.

– А как насчет двухлетнего контракта в качестве старшего помощника? Два годика поработаешь по нашим ставкам, как и любой другой старший помощник, а потом мы сделаем тебя младшим партнером. Это лучшее, что я могу тебе предложить, Эдди, – сказал наконец Руди.

– Работаю по своим обычным ставкам, и по рукам, – сказал я. Гонорары мне тоже не помешали бы, но больше была нужна постоянная работа. Кристина хотела, чтобы я занимался чем-нибудь спокойным и стабильным, что не грозило бы какими-то заморочками ни мне, ни моей семье. Это могло быть важно для восстановления наших отношений, а также с расчетом на будущее.

– Считай, что договорились, – отозвался он.

– Отлично, а теперь: что еще вы не рассказали мне об этом деле?

– Ничего. Клянусь. Просто прочти дело. И опять-таки, прости за эту маленькую хитрость с судьей. Хотя не то чтобы я мог долго держать это в секрете... Ты все равно обо всем догадался бы, едва только войдя в зал суда. Послушай, я и вправду думаю, что Бобби невиновен. Я знаю это. Просто нутром чую. Знаешь, как редко это со мной случается? Я готов на все, только чтоб вытащить этого парня. Прочти материалы по делу – и сам все поймешь. Звякни мне с утречка. В девять у меня отбор присяжных.

Он дал отбой.

Интересно, подумалось мне, как далеко Руди готов зайти, чтобы спасти своего клиента...

Мои пальцы скользнули по сенсорной панели, вызвав на экран список папок. Ни интернет-браузера, ни каких-то других приложений – на этом ноутбуке не

обнаружилось ничего, кроме этих папок с файлами внутри. Всего их оказалось пять. «Свидетельские показания и результаты предварительного следствия». «Фотоматериалы». «Отчеты криминалистической и судебно-медицинской экспертиз». «Заявления защиты». «Эксперты защиты».

Подобрав со стола карандаш, я покрутил его в пальцах. Почему-то это всегда помогало мне думать. А еще сохранять ловкость рук. До того, как стать адвокатом, в определенных кругах я был больше известен как мошенник и разводила. Какие только делишки прокручивал... Некоторые из них требовали умения незаметно стырить бумажник, связку ключей или сотовый телефон. Отец всегда говорил мне, что нельзя позволять пальцам застаиваться – а значит, для поддержания рефлексов и скорости рук требовалось регулярно практиковаться. Поэтому, если я о чем-то размышлял, то всегда брал ручку или покерную фишку и вертел их между пальцами.

Первые три папки представляли дело со стороны обвинения. В тех, что назывались «Заявления защиты» и «Эксперты защиты», были собраны материалы, подготовленные фирмой Карпа. Большинство адвокатов сразу перешли бы к материалам обвинения – открыли бы экспертные отчеты и свидетельские показания и прочли их до последнего слова. Ведь каждый такой документ – это целая история. То, что нашлось сказать у того или иного человека. Все вместе они складывались в общее повествование. В историю, которую сторона обвинения собиралась скормить присяжным.

Самое худшее в любых повествованиях – это то, что частенько они весьма ненадежны.

Мой подход был немного другим. Настоящая, реальная история была на фотографиях. Фотографии с места преступления не врут. Это вам не свидетели. Они не могут ошибиться, не могут скрыть правду. И это заставило меня представить себе дело со стороны обвинения. Как я построил бы дело против Бобби Соломона на месте обвинителя? В процессе по делу об убийстве недостаточно знать, какой будет ваша защита, – вам нужно знать, какие шаги предпримет сторона обвинения, и действовать на опережение.

Фото загрузились на экран в виде галереи. Только вот первый квадратик в ней не был фотографией. Это было видео. Я нажал на значок воспроизведения.

Экран почернел, и на секунду мне показалось, что это какая-то ошибка загрузки. Но потом я понял, что это запись с камеры наблюдения, установленной перед чьей-то входной дверью. Разглядел улицу внизу. Мужчина в худи с поднятым капюшоном и черных джинсах поднялся к этой двери по ступенькам крыльца. Опустив голову. Его взгляд был явно прикован к экрану «Айпода», который он держал перед собой и от которого к наушникам поднимался белый провод. Мужчина пролистал какой-то список на экране. Постоял возле двери, а когда она открылась, слегка приподнял голову. Этого оказалось достаточно, чтобы я смог разглядеть бледное худое лицо и половинки густо-черных солнцезащитных очков, выглядывающих из-под капюшона. Потом мужчина исчез из поля зрения, предположительно войдя внутрь.

Отметка времени внизу экрана показывала 21:02.

Согласно этому видео, Бобби Соломон вернулся домой в самом начале десятого.

Закрыв окно с записью, я вернулся к фотографиям. И по первым же снимкам понял, что место убийства посетил и кто-то из офиса окружного прокурора. Который начал съемку со входной двери в различных ракурсах. Умно.

Дверь была самая обыкновенная – толстая, обшитая деревянными панелями, недавно выкрашенная в темно-зеленый цвет. Фотографии были сделаны прямо в ту ночь, и вспышка отразилась в относительно свежей краске. Примерно посередине двери по высоте торчала массивная медная ручка. Крупный план замка показал, что тот находился в первозданном состоянии. Никаких сколов краски вокруг скважины. Собственно замок не поврежден. Дверь вообще никак не пострадала.

Учитывая, что в комнате наверху лежали два жестоко убитых человека, фотографирование самой обычной входной двери явно не входило в число приоритетных дел детективов нью-йоркской полиции. Им надо было ловить убийцу. Каждая минута, которую они проводят на месте преступления, должна быть потрачена именно на это. В офисе окружного прокурора придерживаются несколько иного подхода. Там хотят приложить все усилия к тому, чтобы убийца, когда он будет пойман, гарантированно был осужден. Частью этого процесса является предвосхищение потенциальной линии защиты – что, мол, Ариэllu Блум и Карла Тозера убил некий залетный злоумышленник, – и пресечение ее в самом корне. Видите – ни входная дверь, ни замок не повреждены?

Я открыл следующий набор фотографий – самое начало истории, которые они должны были поведать. Серию снимков коридора, гостиных, кухни, ванных комнат на верхнем этаже, гостевых спален – в общем, каждого помещения в доме, за исключением того, в котором лежали два трупа.

Декор, похоже, повсюду был более-менее одинаковый. Современный. Минималистичный. В основном в различных оттенках белого, серого или бежевого. И лишь кое-где – неожиданные всплески цвета. Фиолетовая подушка на темно-сером диване. Красное абстрактное полотно на стене кухни, импрессионистский морской пейзаж в приглушенных синих тонах в гостиной над белым камином... Все выглядело безупречно чистым и опрятным. Эдакий стерильно-идеальный дом из глянцевого каталога. Ничем после покупки не отмеченный. Даже не скажешь, что тут вообще кто-то жил. Хотя, возможно, его владельцы не так уж часто в нем и бывали, учитывая их профессию.

Десять минут просмотра фотографий прояснили еще несколько вопросов. Имелась еще и задняя дверь. Она была заперта, ключ все еще торчал в замке изнутри. Снаружи ее прикрывала декоративная металлическая решетка, запертая на висячий замок. Здесь тоже никаких признаков взлома.

Ковры были почти белые, напоминающие тонкий слой снега на полу. Мягкие. Пушистые. Место, в котором ты снимаешь уличную обувь, едва только зайдя в прихожую. Весь дом был в этих коврах. Даже единственную каплю крови было бы легко заметить. Но крови нигде не было.

Единственной фотографией, которая заметно выделялась среди прочих, был снимок лестничной площадки второго этажа. Небольшой старинный столик перевернут, на полу валяются осколки разбитой вазы. Прямо за ним – огромное окно в окружении замысловатой лепнины. Люди дорого платят за оригинальные декоративные элементы в подобных домах.

Следующая фотография оказалась первой из более чем двух десятков, на которых было запечатлено место убийства. Насильственная смерть всегда рассказывает свою собственную историю. Написанную на жертвах. В их ранах. На их коже. А иногда и в их глазах.

Я никогда еще не видел ничего подобного.

Фотограф-криминалист нью-йоркской полиции сделал первый снимок, стоя в ногах кровати. Ариэлла лежала лицом вверх на ее левой стороне – ближе к окну, выходящему на улицу. Карл лежал рядом с ней, справа. Сбоку от него валялось скомканное в кучу одеяло. На Ариэлле были трусики, но больше ничего. Руки вытянуты по бокам, ноги сведены вместе. Рот открыт. Глаза тоже. Торс ее был ярко-красным. В пупке застыла небольшая лужица крови. Я различил темные пятна, разбросанные по всей ее груди, – колотые раны. Простыня под ней тоже была красной. Брызги крови – только на шее. Никаких кровавых пятен ни на лице, ни на ногах.

Карл лежал на правом боку, совершенно голый, лицом к Ариэлле. Ноги согнуты в коленях, позвоночник выгнут дугой. С этого ракурса его тело напоминало своей формой лебедя. Насколько я мог судить, на нем не имелось ни единой отметины. Никаких ножевых ранений. Никаких синяков. Вид у него был умиротворенный – как будто он просто свернулся калачиком рядом с ней, да так и умер. И лишь увидев его фотографию со спины, я понял причину смерти. Затылок у него был насквозь проломлен. Крови натекло немного – лишь небольшое темно-красное пятнышко под головой, хотя, судя по форме раны, его наверняка убили с одного удара. Вероятно, это и объясняло положение тела: ноги подтянуты к животу, почти в позе эмбриона, а голова после сильного удара в затылок уткнулась подбородком в грудь.

Адвокаты по уголовным делам, как и копы, со временем привыкают к таким картинам, иллюстрирующим ужасающую конечность человеческой жизни, привыкают к жутким следам насилия, которые люди оставляют на телах друг у друга. Такова уж человеческая природа. Если вы достаточно часто чем-то занимаетесь, это перестает нести в себе прежний смысл, прекращает оказывать то же воздействие, что и в первый раз.

Хотя я так и не привык к зрелищу насильственной смерти. И молился, чтобы этого никогда со мной не случилось, поскольку эта часть меня умерла бы и никогда не воскресла. Мне это было просто нужно. Я приветствовал эту боль. Мужчина и женщина были силой вырваны из этого мира – у них отняли все, что было у них в жизни, и все, чем они когда-либо могли стать. Всего два слова все крутились и крутились у меня в голове. За что? За что? За что?

Они ничем этого не заслуживали.

Щелк!

Опустив взгляд на свою руку, я обнаружил, что перестал вертеть карандаш. Я сжимал его так крепко, что сломал пополам, сам того не сознавая. Что бы ни подразумевала моя работа, я был в долгу перед Ариэллой и Карлом. Тот, кто навлек на них весь этот ад, обязательно должен быть наказан. Если этим человеком был Бобби, то с ним следовало поступить по всей строгости закона. Хотя почему-то при виде жертв я еще больше засомневался в том, что Бобби на такое способен.

Но тут кое-что вспомнил. В глубине души все мы на такое способны...

Судя по тому, что я видел, причины смерти не совсем соответствовали тем, о которых сообщалось в СМИ. Газеты и телевидение уверяли, будто обе жертвы были изрублены на куски в результате неистового нападения – скорее всего, на почве бешеной ревности. Это оказалось вовсе не тем, что я видел на фотографиях. А на Карле вообще не было никаких ножевых ранений. Прокручивая следующий набор фотографий, я наткнулся на снимок крупным планом – бейсбольной биты на полу спальни. Толстый конец ее выглядел так, как будто именно ею и проломили череп Карлу.

Прокручивая все это в уме, я понял: все, что я видел, не особо стыковалось между собой. У убийцы был доступ в дом. Он как-то пробрался внутрь или попросту вошел, открыв дверь ключом, поднялся в спальню и обнаружил лежащих в постели Ариэллу и Карла. Первой жертвой, скорее всего, стал Карл – имело смысл первым делом устранить наибольшую угрозу. Удар деревянной битой по голове с достаточной силой, чтобы проломить череп, должен был наделать шума. Много шума. И никак нельзя было как-то приглушить этот звук, не уменьшив ущерб от удара. И все же на руках у Ариэллы не имелось защитных ран. Ни порезов, ни синяков. Похоже, первая или вторая проникающая ножевая рана оказалась для нее смертельной. Или, по крайней мере, достаточно серьезной, чтобы полностью обездвижить ее.

Что-то в этой картине не складывалось.

Под конец мне осталось проглядеть лишь еще два набора снимков. На первом был в разных ракурсах заснят Бобби Соломон, одетый в темно-бордовое худи, белую футболку и черные спортивные брюки. Рукава худи были в крови. Руки тоже. Больше нигде крови не обнаружилось.

А вот последняя серия фотографий заставила меня напрячься. Их сделали уже в морге. Карл Тозер лежал голый на стальном столе. И тут я впервые углядел тонкий фиолетовый синяк поперек его горла, примерно трех дюймов длиной. Как будто его ударили тонким металлическим прутом или на короткое время что-то обвили вокруг его горла и сильно дернули. Но беспокоило меня не это. Такой синяк явно не мог привести к смерти, и не исключено, что это было просто одно из трупных пятен – кровь, скопившаяся в жировой ткани вокруг шеи, когда сердце перестало биться. Нет, заставил меня сделать стойку следующий набор снимков – приоткрытый рот Карла крупным планом...

У него было что-то под языком.

Фотограф переключился на видео, чтобы запечатлеть этот неожиданный поворот. Я нажал на значок воспроизведения и стал смотреть, как в рот Карла запускают длинный металлический пинцет. Когда его вытащили, в нем было зажато нечто, что я с ходу не опознал. Непонятный предмет аккуратно уложили в хирургическую чашку, и к первому пинцету присоединился второй. Теперь это больше походило на какую-то записку, сложенную пополам, с крошечным конусом посередине – размером примерно с колпачок авторучки. Оба пинцета покопались в записке, разворачивая ее, и камера увеличила изображение.

В газетах об этом не упоминалось. Ни единым словом.

Это оказалась не записка, а банкнота. Однодолларовая купюра, замысловато сложенная во множество раз. На обратной стороне такой купюры изображены две Большие печати Соединенных Штатов, а в каждом углу – единица цифрой, поверх которой буквами напечатано слово «ОДИН». И все это на фоне чего-то вроде паучьей паутины. Эта купюра была сложена так, что каждый уголок выглядел как узор или отметина на четырех крылышках, расходящихся от центрального конуса посередине. Только вот конус этот представлял собой замысловатую складку в средней части купюры, напоминая своей верхней частью торакс какого-то насекомого, а нижней – брюшко. От торакса в обе стороны отходили передние и задние крылышки.

Убийца сложил однодолларовую купюру в виде бабочки и засунул ее Карлу Тозеру в рот.

После неудачной попытки завладеть чемоданчиком Кейн обошел вокруг квартала. К тому времени, как он вернулся к своей машине, дыхание пришло в норму. Руки больше не казались такими тяжелыми, пульс в кончиках пальцев наконец утих. Бросив рюкзак на пассажирское сиденье, Кейн стал ждать.

Прошло целых двадцать минут, прежде чем он увидел, как из квартиры Флинна выходит тот чернокожий мужчина в хорошо сшитом костюме. Кейн проследил, как тот садится в свой автомобиль с откидным верхом и уезжает. Пульс вновь застучал в пальцах, а пистолет во внутреннем кармане куртки словно сам собой прижался к груди. Итак, только охранник и Флинн. Только теперь этот охранник будет настороже. Лишь в последнюю секунду Кейн решил не светить пистолет перед людьми на улице. Слишком уж долго ждал, прежде чем выхватить ствол. Охранник опередил его. Так что взамен пришлось вытащить мобильник и изобразить заблудившегося туриста. «Тоже молодец, что сообразил», – подумал Кейн. Охранник застрелил бы его первым.

При мысли о ноутбуке, находящемся в квартире Флинна, Кейн даже скрежетнул зубами. Опять посмотрел на здание. Непонятно, какие камеры наблюдения там внутри и сколько там жильцов. Может, даже на входе дежурит швейцар или консьерж...

Мотор на морозце завелся без особой охоты. Включив передачу, Кейн медленно покотил по Западной Сорок шестой улице.

В другой раз. Когда он будет готов. Кейн пообещал себе, что еще вернется.

А пока у него были и другие дела.

Направился он на восток, к реке. Проехал по Сорок шестой до самой Второй авеню, затем вырулил на ФДР[9 - ФДР (англ. FDR Drive) – автострада имени Франклина Делано Рузвельта, одна из главных транспортных артерий Нью-Йорка. (Прим. пер.)]. Движение было по-прежнему плотным, и продвигался он довольно медленно. Кейн не был коренным ньюйоркцем. Никаким боком. Но даже при этом на спутниковый навигатор он практически не смотрел. Планировка на Манхэттене простая и четкая, на манер координатной сетки. Если

тебя сюда вдруг занесет, просто потратить пять минут на изучение карты – и сразу поймешь, как куда попасть. На карте остров напоминал печатную плату. Требовалась лишь энергия, чтобы та бесперебойно работала. Кейну подумалось, что отнюдь не люди, жители Манхэттена, являлись тем электричеством, что питало этот город – печатную плату. И не машины. Не поезда.

А деньги.

Самая экологически чистая энергия в мире.

Остановившись в пробке, он глянул на свое отражение в зеркале заднего вида. Нос раздулся, как и задумывалось. Пожалуй, даже немного лишку. Да и остальное лицо порядком опухло. Кейн сделал себе мысленную пометку потом приложить к нему лед, чтобы слегка уменьшить отек. А кроме того, не помешало бы дополнительно подкраситься тональным кремом. Сквозь тонкий слой грима стали отчетливо проступать синяки.

Любой другой на его месте сейчас не находил бы себе места от боли. Но только не Кейн. Он был особенным. Как любила повторять ему его мать.

Он не знал своего собственного тела. Как будто оно ему и не принадлежало.

Кейн обнаружил, что не такой, как все остальные, еще когда ему было восемь. Тогда он свалился с яблони в саду. Неудачно. Забрался слишком высоко и рухнул на землю с самых верхних ветвей. И, лежа на траве, не расплакался. Он вообще никогда не плакал. Через секунду опять встал и собирался было вновь взобраться на дерево, когда вдруг понял, что не может ухватиться за ветку левой рукой. Запястье вроде как здорово опухло. Это было необычно, и он пошел на кухню, чтобы спросить у матери, почему его рука так странно выглядит. Когда он вошел в дом, запястье уже утроилось в размерах и выглядело так, будто кто-то засунул ему под кожу мячик для настольного тенниса. И по сей день Кейн помнил, как искажилось лицо его матери при виде его руки. Она вызвала по телефону «скорую», а потом, уже не в силах ждать, примотала ему к запястью два пакета замороженного горошка, посадила Кейна в свою старую машину и отвезла в отделение неотложной помощи. Никогда еще его мать не водила машину так быстро.

Кейн до мелочей помнил эту поездку. По радио играли «Стоунз», лицо его матери блестело от слез. Голос ее от паники стал высоким и возбужденным.

– Все нормально, все нормально... Не паникуй! Сейчас мы приведем тебя в порядок. Очень больно, милый? – повторяла она.

– Нет, – отвечал тогда Кейн.

В больнице рентген подтвердил множественные переломы. Врач объяснил, что потребуется хирургическая манипуляция, прежде чем можно будет наложить гипс. Сказал, что дело срочное и что они сделают все возможное, чтобы облегчить боль от этой процедуры при помощи специального газа. Маленький Джошуа никак не хотел вдыхать странно пахнущий газ, исходящий из трубки, и несколько раз срывал маску.

Во время процедуры он не кричал, не отбивался. Сидел совершенно неподвижно и с молчаливым восхищением прислушивался к приглушенному хрусту своих раздробленных костей, пока док мял в руках его запястье. Медсестра налепила ему на футболку наклейку с надписью «Храбрый пациент». Кейн сказал ей, что ему не нужны никакие обезболивающие лекарства. Что он в полном порядке.

Поначалу медперсонал списал это на шок, но мать Кейна поняла, что дело не только в этом. А скорее, совсем не в этом. И потребовала от врачей как следует осмотреть своего сына. Он и по сей день не знал, откуда она взяла деньги на оплату всех этих осмотров и анализов. Сперва врачи решили, что у него что-то не в порядке с головой. Он даже ни разу не вскрикнул, пока они кололи его в разных местах иглками. Кейн слышал слово «бластома», но не знал, что оно означает. Однако вскоре опухоль в мозгу полностью исключили. Мать это очень обрадовало, но она все равно волновалась, и пришлось сделать еще несколько анализов.

Год спустя Джошуа Кейну диагностировали редкое генетическое заболевание – врожденную аналгезию. Болевые рецепторы в его мозгу вообще никак не функционировали. Маленький Джошуа никогда не чувствовал боли и не должен был ощущать ее и впредь. Кейн частенько вспоминал, как его мать восприняла это известие – одновременно и с радостью, и со страхом. Она радовалась, что ее сыну никогда не доведется испытать физические страдания, но тем не менее боялась. Кейн мог легко представить себе ее в тот момент – как она сидит в

кресле в кабинете врача и смотрит на него. В том самом синем платье, которое было на ней, когда он свалился с дерева. И все с тем же огоньком испуга в глазах.

И Кейн наслаждался каждой секундой этого зрелища...

Недовольно рявкнувший позади автомобильный гудок – напоминание, что пора бы и тронуться с места – вернул его мысли к настоящему. Где-то через час Кейн уже был в Бруклине. Вырубил мотор, вышел из машины и отправил сообщение о своем местонахождении своему контакту в полиции.

Если б кто-то в этом районе вдруг вызвал копов, Кейн вовремя узнал бы об этом.

Он не спеша двинулся между рядами одинаковых трехэтажных пригородных домов, населенных в основном представителями среднего класса. Спальни и гостиные располагались в этих типовых строениях на втором этаже, над гаражом. Ржавчину на окружающих участки оградах скрывала свежая краска. Наконец Кейн подошел к дому, принадлежащему некому Уолли Куку.

Фото Уолли появлялось на пробковой доске в фирме Карпа значительно чаще остальных – похоже, он был чуть ли не основным кандидатом в присяжные со стороны защиты. Упертый либерал, регулярно жертвует часть прибыли от своего бизнеса частного детектива Американскому союзу гражданских свобод, по выходным тренирует детскую бейсбольную команду Младшей лиги...

Не стоило полагаться на то, что в ходе окончательного отбора обвинение вдруг исключит Уолли из числа присяжных – было слишком опасно оставлять его в списке. А кроме того, он занимал место, на которое со стороны защиты мог попасть Кейн.

На подъездной дорожке дома Уолли стояли легковой автомобиль и фургон. В окнах второго этажа горел свет. В одном из них появилась женщина лет тридцати с длинными каштановыми волосами, с ребенком на руках. Уолли подошел к ней, поцеловал и скрылся из виду. Вытащив тонкий филейный нож, Кейн направился ко входной двери.

Глава 14

Оставшиеся материалы по делу Соломона я изучил меньше чем за два часа. Много можно было пока что просто просмотреть по диагонали – рапорты сотрудников полиции касательно задержания и заключения подозреваемого под стражу, пространные отчеты судмедэкспертов, показания свидетелей... А вот ключевым уликам я уделил куда более пристальное внимание.

Первой из них была расшифровка звонка Роберта Соломона в службу «911», к которой прилагалась и оригинальная аудиозапись. Бобби был в полной панике, буквально захлебывался слезами; в голосе его явственно звучали ярость, страх и отчаяние.

Диспетчер: Экстренная служба «девять-один-один». Вам нужна помощь пожарных, полиции или медиков?

Соломон: Помогите... Господи... Я нахожусь в доме двести семьдесят пять по Западной Восемьдесят восьмой улице... Моя жена... По-моему, она мертва. Кто-то... О боже... Кто-то убил их!

Диспетчер: Отправляю к вам полицейский наряд и «скорую». Успокойтесь, сэр. Лично вам грозит какая-нибудь опасность?

Соломон: Я... я... не знаю.

Диспетчер: Вы сейчас находитесь в доме?

Соломон: Да, я... я только что нашел их. Они в спальне. Они мертвы!

(звуки плача)

Диспетчер: Сэр? Сэр? Сделайте глубокий вдох. Мне нужно, чтобы вы сказали мне, нет ли, по-вашему, в данный момент кого-то еще в этом доме.

(звон бьющегося стекла, кто-то спотыкается)

Соломон: Я здесь. Ох, я еще не проверял... Вот черт... Пожалуйста, немедленно пришлите «скорую»! Она не дышит...

(Соломон роняет телефон)

Диспетчер: Сэр? Пожалуйста, возьмите трубку. Сэр? Сэр?

Бобби сообщил полиции, что ушел из дома еще днем и порядком набрался. А еще принял какие-то таблетки. Не помнил, где он был, – знал лишь, что побывал сразу в нескольких барах; знакомился там с кем-то, но ни одного имени тоже не помнит. Возле какого-то ночного клуба взял такси и вернулся домой незадолго до полуночи. Свет в прихожей не горел. Карла не было ни на кухне, ни в гостиной. Он поднялся наверх, чтобы разыскать его. Увидел открытую дверь и горящую за ней лампу. Вошел и обнаружил Ариэллу и Карла мертвыми.

Звонок в «911», показания Соломона – все это поначалу показалось мне вполне правдоподобным. У Бобби уже случались приводы за мелкие правонарушения по пьяни, и ни черта не помнить о том, что он в таком состоянии делал, было для него в порядке вещей.

Алиби, конечно, было неважнецким, хотя особых причин сомневаться в его словах не было.

Пока я не прочитал показания некоего Кена Эйджерсона, проживающего в доме 277 по Западной Восемьдесят восьмой улице – сорока трех лет от роду, менеджера какого-то хедж-фонда. Эйджерсон сообщил, что в тот день вернулся домой в девять вечера, поздоровавшись по дороге со своим знаменитым соседом Бобби Соломоном. И собственными глазами видел, как Бобби поднимается на крыльцо к своей двери. Эйджерсон так точно указал время, поскольку по четвергам его жена всегда работает допоздна, а приходящая няня уходит ровно в девять. Двухлетня Конни Брюковски – та самая няня – подтвердила, что ушла из их дома именно в это время, как только вернулся Эйджерсон.

Я прикинул, что из этого можно извлечь. Нет ли тут какого-то слабого места. И тут вдруг вспомнил про то видео – запись с камеры наблюдения, установленной над дверью дома Соломона. Там ведь и дата проставлена, и время, все четко:

в вечер убийства Бобби зашел в дом в самом начале десятого.

Эта камера активируется датчиком движения. И больше ничего не записала, пока в десять минут первого ночи туда не заявились копы, согласно их рапорту.

То есть абсолютно ничего не подтверждает слова Бобби, что он вернулся домой в полночь. Непонятно, сколько времени он провел в доме до появления полиции, которую сам и впустил.

Вывод? Бобби Соломон явно солгал насчет того, во сколько вернулся домой.

Но окончательно топили его результаты криминалистической экспертизы. Кровь Карла на бейсбольной бите Бобби с отпечатками пальцев Бобби на ней. Кровь Ариэллы на одежде Бобби. И вишенка на торте: на долларовой банкноте в виде бабочки, найденной у Карла во рту, обнаружались отпечатки пальцев и следы ДНК Бобби. Хотя он уверял копов, что никогда раньше эту банкноту, сложенную в виде бабочки, и в глаза не видел и, естественно, в рот Карлу ее не заталкивал.

Финита ля комедия.

Руди сразу же ответил на мой звонок.

– Дело плохо, – сказал я.

– Согласен, – отозвался он, – но ты смотришь недостаточно глубоко.

Криминалисты нью-йоркской полиции просто как-то поместили на эту банкноту ДНК Бобби.

– Почему вы так в этом уверены?

– Потому что их тесты показали более одного профиля ДНК.

– Секундочку, – произнес я, открывая криминалистический отчет. И впрямь: фигурировали в нем сразу два профиля ДНК, успешно снятых с долларовой купюры и обозначенные буквами «А» и «Б». Профиль «А» – это ДНК Бобби. А второй был идентифицирован по базе данных как принадлежащий некоему Ричарду Пене.

– Погодите-ка, Руди... На любой банкноте, находящейся в обращении, и должно быть больше одного образца ДНК. Странно, что они не нашли на ней сразу двадцать различных профилей. Из этого вовсе не следует, что копы все это сфабриковали.

– Нет, следует. Как выяснилось, образец Ричарда Пены случайно попал на эту банкноту в лаборатории, – объяснил Руди.

– Как это вышло?

– Мы тут кое-что выяснили про этого Ричарда Пену. Это давняя история. В период с тысяча девятьсот девяносто восьмой по девяносто девятый годы он убил четырех женщин в Северной Каролине. Пресса называла его Чапелхиллским душителем. Его поймали, осудили, а после того, как все его апелляции провалились, в две тысячи первом он был казнен.

Я не стал дожидаться, пока Руди скажет что-нибудь еще. Вместо этого открыл на экране фотографии той долларовой купюры, уже развернутой. Первая показывала ее обратную сторону. На изображении американского орла я заметил какие-то странные штришки – как будто эту банкноту долго таскали в кармане вместе с шариковой ручкой, которая и оставила эти следы. Особо пристально я присматриваться к ним не стал – меня больше интересовала лицевая сторона купюры. Открыл вторую фотку. На лицевой стороне любой такой банкноты, с правой стороны, указывается ее серийный номер, который начинается с какой-либо буквы. Эта буква, собственно, и есть серия, которая меняется в случае внедрения нового дизайна банкноты или вообще каких-то изменений в ее оформлении. Плюс есть еще и две подписи, по бокам от портрета Джорджа Вашингтона – казначей Соединенных Штатов и министра финансов. Подписи на купюре, которую вытащили изо рта у Карла, принадлежали казначею Розе Гуматаотоа Риос и министру Джеку Лью. Буква «М» в начале серийного номера банкноты-бабочки соответствовала году назначения Лью – две тысячи тринадцатому.

Руди растолковал мне это как маленькому.

– Ричард Пена просто не мог и пальцем прикоснуться к этой купюре. В то время, когда ее напечатали, он уже двенадцать лет как лежал в могиле.

– И, насколько я понимаю, никаких отпечатков пальцев Пены на ней не нашли, только ДНК, – сказал я.

– Совершенно верно.

– Если единственные отпечатки пальцев на этой банкноте принадлежат Бобби, а ДНК тут и Бобби, и Пены... Тогда и вправду не исключено, что эксперт очистил ее, прежде чем поместить на нее ДНК Соломона, и каким-то образом по запарке занес на нее и ДНК Пены, – предположил я.

– Понял теперь? Это единственно возможное объяснение. Следы ДНК можно удалить даже при помощи обычных бытовых моющих средств. От них достаточно легко избавиться. А сколько рук касалось этой купюры с две тысячи тринадцатого года? Да сотни, если не тысячи! Они облажались, пытаюсь подставить Бобби. Выстирали эту долларовую бумажку, а потом нанесли на нее ДНК Бобби. Плюс случайно на нее попал образец Пены, неведь как оказавшийся в лаборатории. По-другому никак. И мы их на этом прищучим, – сказал Руди.

Что ж, разумно. И все же кое-что еще не давало мне покоя. Бабочка – это в некотором роде символ. Имеющий некое значение. Каким-то образом связанный либо с убийцей, либо с жертвой. И напрямую указывающий на умышленное убийство. Копы решили этим воспользоваться, чтобы подставить Бобби, но в итоге сели в лужу.

– С образцами ДНК Пены работали в совсем другом штате. Как они вообще попали в лабораторию нью-йоркской полиции?

– Мы этого не знаем. Но тем не менее это произошло.

Я еще немного послушал, как Руди разглагольствует о нечистоплотности нью-йоркской полиции, да какая буря разразится в СМИ, когда все это вскроется, да как это станет главным козырем защиты, но через тридцать секунд уже стал воспринимать его голос чисто как фон. Мысленно вернулся в его офис. Опять оказался рядом с Бобби, слушая, как тот заявляет о своей невинности. И в этот момент задумался, насколько позволил ему себя убедить. Актер он талантливый, можно не сомневаться. Хотя далеко не все кинозвезды – великие актеры. А вот Бобби – реально мастер своего дела, обладающий всеми необходимыми в его профессии навыками. Но беспокоило меня не только это. Если копы и

фабриковали порой улики против подозреваемого, то в большинстве случаев только потому, что были твердо уверены в его виновности. Тем более что я никак не мог понять, как это можно войти в дом или выйти из него, оставшись незамеченным камерой наблюдения, срабатывающий от датчика движения. Вдобавок имелись еще и показания того соседа...

– Руди, я купился на историю Бобби. Не стану лгать ни вам, ни себе на этот счет. Я поверил ему, когда он сказал мне, что невиновен. И не хочу, чтобы что-то еще поколебало это суждение. Если вы не против, я хотел бы для начала привлечь своего собственного следователя. У нас все еще нет ножа, которым была убита Ариэлла. Скажите, что там Бобби говорит про бейсбольную битку, которой проломили череп Карлу?

– Он сказал, что держал ее в прихожей. Конечно, у него была охрана, но его старик всегда держал возле входной двери бейсбольную битку. Вот и Бобби поступал точно так же. Это его бита, так что это объясняет, почему на ней повсюду его отпечатки...

– Но не кровь. Мне нужно получше в этом разобраться, – сказал я.

– Твой гонорар уже переведен на твой расчетный счет. Если хочешь частично потратить его на частного детектива, то ни в чем себе не отказывай. А я займусь отбором присяжных. С утра обязательно мне позвони. И не забудь хотя бы немного поспать, – посоветовал Руди, после чего завершил разговор.

А я стал прокручивать список контактов на своем телефоне, пока не нашел нужный, коротко обозначенный «Отсоси». Ткнул в зеленую кнопку, даже не глянув на часы, – абонент, которому я звонил, привык отвечать на звонки в любое время суток. Такая уж у него теперь работа. Вернее, у нее. Соединение установилось, и мне ответил женский голос – хрипловатый, с легким намеком на чикагский выговор.

– Эдди Флинн, разводила из зала суда! А я все гадала, когда ты мне наконец позвонишь...

Голос принадлежал бывшему агенту ФБР по фамилии Харпер. Свое имя она мне так и не назвала. Хотя, если задуматься, не уверен, что когда-нибудь ее об этом спрашивал. Познакомились мы с ней год назад, прямо перед тем, как Харпер и

ее напарник Джо Вашингтон уволились из Бюро, основав свою собственную частную службу безопасности и расследований на Манхэттене, и, судя по всему, дела у них шли неплохо. Знакомство наше знаменовалось тем, что она шмякнула меня башкой о крышу моего же «Мустанга». Несколько месяцев спустя мы преследовали одного и того же мерзавца, и она спасла жизнь не только мне, но и своим коллегам-агентам. Я мог бы покопаться в деле Бобби и сам, но все-таки хотел, чтобы этим занялась Харпер. У нее отлично развита интуиция. Я полностью доверял ее суждениям – если б она сочла Бобби виновным, я бы дважды подумал.

– Тоже рад тебя слышать. Прости, что надолго пропал, – просто ждал подходящего случая. Мне нужен следователь. Знаешь кого-нибудь достойного?

– Отсоси. Кто твой клиент?

Я знал, что будет дальше, еще до того, как ответить. Но все равно ответил.

– Я в команде защиты Бобби Соломона. Мы собираемся доказать, что нью-йоркская полиция его подставила. И ты мне в этом поможешь.

Хохотнув, она сказала:

– Неплохо! А в следующий раз ты скажешь мне, что представляешь Чарльза Мэнсона[10 - Чарльз Мэнсон (1934–2017) – американский преступник, создатель и руководитель деструктивной секты «Семья», члены которой в 1969 г., подчиняясь его приказам, совершили ряд жестоких убийств, в том числе беременной жены кинорежиссера Р. Полански – актрисы Шэрон Тейт. Был приговорен к смертной казни, впоследствии замененной на девять пожизненных сроков. (Прим. пер.)].

– Не, я серьезно. Охранник из «Адвокатского бюро Карпа» в течение часа подъедет к тебе на квартиру с ноутбуком. И подождет, пока ты не познакомишься со всеми материалами. Дело крайне деликатное. Если хоть что-нибудь из этого выплывет наружу до суда...

Смех Харпер застрял у нее в горле.

– Эдди, перестань... Ты и вправду серьезно?

– Еще как серьезно. Похоже, у нас всего день или два, чтобы со всем разобраться. Просмотри все материалы по делу. Позвони, когда закончишь. Утром мы начнем с места убийства. Или, может, тебе этот лэптоп в какое-то другое место закинуть?

– Я позвоню, когда закончу с документами. Из того, что я видела по телевизору, все указывает на Соломона как на убийцу. Ты ведь и сам это знаешь, верно? Похоже, дела у него швах.

– Я тоже прочитал все, что пишут в газетах. И в курсе, что думают по этому поводу все эти якобы эксперты по правовым вопросам на Си-эн-эн. Их послушать, так этот судебный процесс закончился еще до того, как начаться... Может, они и правы. Но я говорил с Бобби. Руди Карп – тоже. Мы не думаем, что это двойное убийство – его рук дело, вряд ли он на такое способен. Все, что нам остается сделать, – это убедить в своей правоте еще двенадцать человек.

Глава 15

Одним неуловимым движением запястья Кейн поменял хват ножа. Проходя мимо стоящего возле дома фургона, низко наклонился и быстро воткнул нож в заднюю шину с водительской стороны. Воздух с шипением вырвался из пореза в боковине, фургон накренился. Надвинув бейсболку пониже на лоб, Кейн убрал нож обратно в карман, поднялся по ступенькам крыльца и позвонил.

Через несколько мгновений Уолли открыл дверь. Кейн впервые сумел как следует его рассмотреть. Возраст, похоже, в районе тридцатника. Волосы на висках поредели, лицо покраснелось. Кейн ощутил запах вина в его дыхании, а рубиновое пятнышко над верхней губой подсказало ему, что Уолли только что выпил большой бокал красного. Что, судя по всему, и объясняло детский румянец на его в остальном суровом и жестком лице.

При виде визитера выражение лица Уолли немного смягчилось. Кого бы он ни ожидал увидеть, но явно не кого-то вроде Кейна в его нынешнем обличье.

Кейн изобразил южный акцент. Он вообще частенько им пользовался. Почему-то этот мягкий протяжный выговор добавлял правдоподобия всему, что он говорил. Люди сразу начинали доверять ему.

– Простите за беспокойство, – начал Кейн. – Я тут проходил мимо и заметил, что у вашего фургона спустило колесо. Может, вы уже в курсе, но дай-ка, думаю, предупрежу хозяина по-соседски...

Он обернулся, по-прежнему стараясь не показывать полуприкрытое шарфом лицо и опустив взгляд. Похоже, хозяин дома так ничего и не заподозрил.

– О... Ну что ж, спасибо, – ответил Уолли. – Так какое колесо, говорите?

– Вон то, давайте покажу, – сказал Кейн.

Выйдя из дома, Уолли направился вслед за ним к задней части фургона. Присел на корточки, чтобы взглянуть на шину, а Кейн встал рядом с ним. Уличных фонарей поблизости не было, свет из дома до конца подъездной дорожки не проникал.

– Вот черт, чем же его так резануло? – в сердцах воскликнул Уолли, ощупывая дыру пальцами. Выглядела она как прямой порез, сделанный чем-то твердым и острым как бритва.

– Ну что ж, спасибо за... – начал было он, уже начиная подниматься, но тут же умолк и замер. Так до конца и не разогнув ноги и подняв руки с выставленными вперед ладонями, уставился на пистолет Кейна. Кейн постарался, чтобы Уолли не упустил эту деталь, направив ствол ему прямо в лицо.

Когда Кейн заговорил снова, теплый южный мед напрочь растаял у него на языке, словно его там никогда и не было. Голос стал жестким и ровным.

– Ничего не говори. Не двигайся. Когда я тебе скажу, мы пойдем к моей машине. Я задам тебе несколько простых вопросов, и если ты ответишь на них, то отправишься домой. А если вздумаешь создать мне какие-то сложности или не ответишь, тогда мне придется задать один вопрос твоей молодой жене.

Дуло пистолета окутывали облачка пара от тяжелого дыхания Уолли. Ноги у него начали панически дрожать, и он все никак не мог отвести глаз от Кейна. Смотрел ему прямо в лицо, полускрытое в тени. Кейн представил себе, что свет, который, казалось, вырывался у него из глаз, был виден человеку перед ним, и это все, что тот сейчас мог видеть, – две огненные точки в темноте.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Трайбека (Tribeca, сокр. от англ. Triangle Below Canal – «Треугольник южнее Кэнэл-стрит) – престижный район нью-йоркского Манхэттена. (Прим. пер.)

2

Сэндвич «Рубен» – американский гриль-сэндвич из солонины, швейцарского сыра, квашеной капусты и майонеза с кетчупом на ржаном хлебе. (Прим. пер.)

3

«Нью-Йорк Янкиз» (англ. New York Yankees) – профессиональный клуб из Главной бейсбольной лиги, базирующийся в Бронксе, одном из пяти районов Нью-Йорка. (Прим. пер.)

4

М и з – госпожа...; нейтральное обращение к женщине в англоязычных странах. Ставится перед фамилией женщины – как замужней, так и незамужней. (Прим. пер.)

5

С марта 2022 г. к числу штатов, легализовавших употребление марихуаны как в медицинских, так и в рекреационных целях, присоединился и Нью-Йорк. Так что теперь Джин Мари может спать спокойно. (Прим. пер.)

6

УАТ (англ. DMV – Department of Motor Vehicles) – Управление автомобильного транспорта, нечто вроде российского ГИБДД. (Прим. пер.)

7

Панграмма – фраза, содержащая все буквы латинского алфавита. (Прим. пер.)

Один из самых резонансных судебных процессов в современной истории. Бывшего профессионального футболиста, а позже киноактера О. Джей Симпсона в 1994 г. обвиняли в убийстве собственной жены и ее приятеля, но благодаря мастерству адвокатов Р. Кардашьяна и Дж. Кокрана ему удалось выкрутиться. Впрочем, так называемый «гражданский суд» все-таки признал его виновным и обязал выплатить родственникам погибших 33,5 млн долларов. Известного певца и композитора Майкла Джексона неоднократно обвиняли в развращении малолетних, но все судебные процессы он выиграл. Единственные проигранные певцом суды касались невыполнения им финансовых обязательств. (Прим. пер.)

ФДР (англ. FDR Drive) – автострада имени Франклина Делано Рузвельта, одна из главных транспортных артерий Нью-Йорка. (Прим. пер.)

Чарльз Мэнсон (1934–2017) – американский преступник, создатель и руководитель деструктивной секты «Семья», члены которой в 1969 г., подчиняясь его приказам, совершили ряд жестоких убийств, в том числе беременной жены кинорежиссера Р. Полански – актрисы Шэрон Тейт. Был приговорен к смертной казни, впоследствии замененной на девять пожизненных сроков. (Прим. пер.)

Купить: https://telnovel.com/kavana_stiv/trinadcat

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)